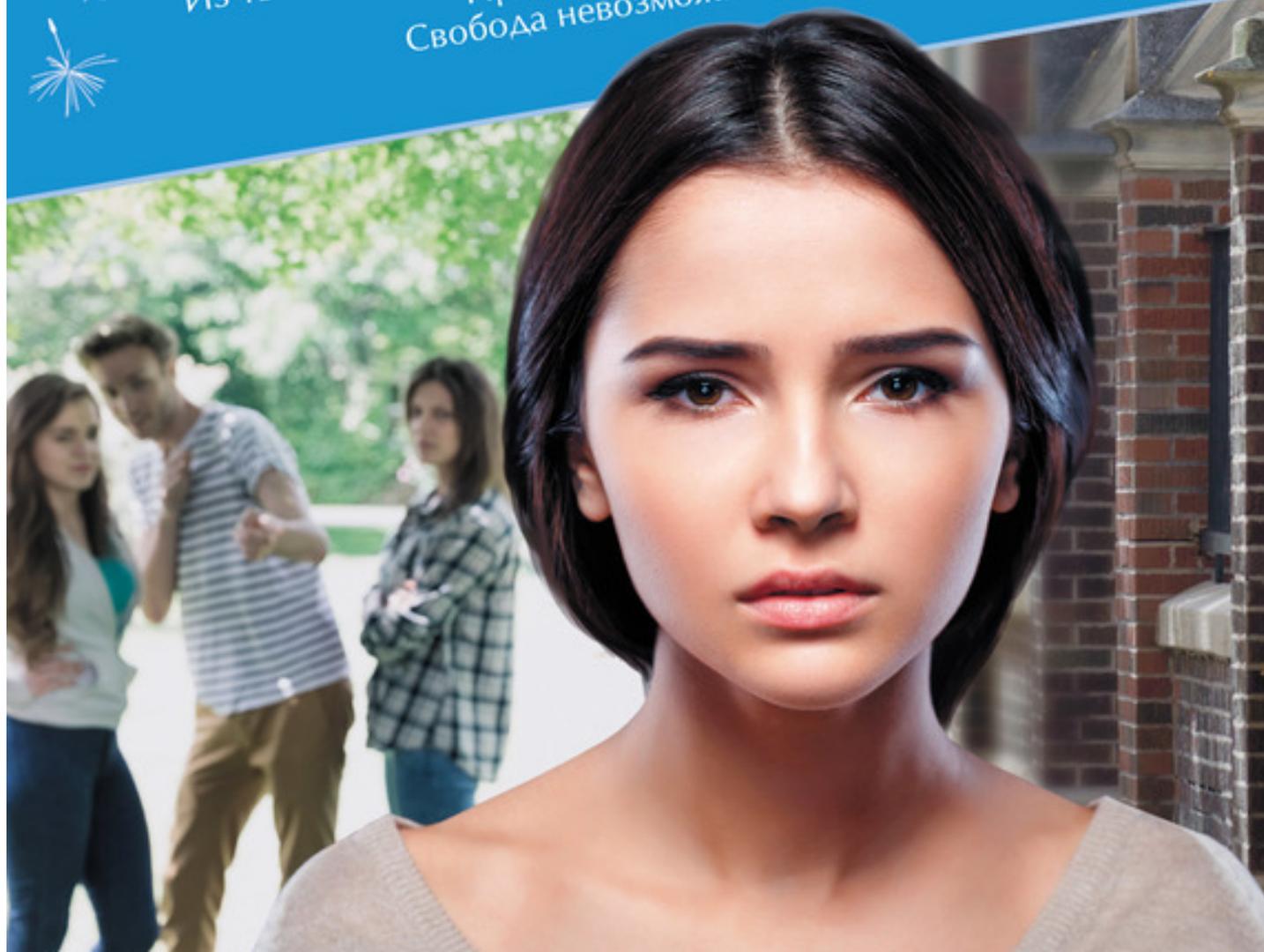

18+

ЭМБЕР СМИТ

ТАКОЙ Я БЫЛА

Из тьмы пробивается свет. Отчаяние сменяется надеждой.
Правда рождает свободу.
Свобода невозможна без правды.

Main Street. Коллекция «Деним»

Эмбер Смит
Такой я была

«АСТ»

2016

УДК 821.111-12.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смит Э.

Такой я была / Э. Смит — «АСТ», 2016 — (Main Street.
Коллекция «Деним»)

ISBN 978-5-17-100449-1

Все, что казалось простым, внезапно становится сложным. Любовь обращается в ненависть, а истина – в ложь. И то, что должно было выплыть на поверхность, теперь похоронено глубоко внутри. Это история о первой любви и разбитом сердце, о пережитом насилии и о разрушенном мире, а еще о том, как выжить, черпая силы только в самой себе. Бестселлер The New York Times.

УДК 821.111-12.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100449-1

© Смит Э., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эмбер Смит

Такой я была

Для тебя.

*Для каждой из вас, кто когда-либо чувствовал необходимость
начать жизнь заново.*

Часть первая

Старшая школа. Год первый

Я многого не знаю. Например, не знаю, почему не услышала, как с щелчком захлопнулась дверь. И вообще почему эту чертову дверь не заперла. Почему не почувствовала: что-то не так – что-то чудовищно не так – когда матрас просел под его весом. Почему не закричала, когда открыла глаза и увидела, что он забирается под простыню. И почему не попыталась бороться, когда у меня еще был шанс.

Не помню, как долго я потом лежала, приказывая себе: закрой глаза, зажмурься, просто попробуй забыть. Попробуй не думать о том, что кажется неправильным, обо всем том, что уже никогда не будет правильным. Гадкий вкус во рту, липкие влажные простыни, огонь, пронзающий бедра, тошнотворную боль, врезающую в тебя, подобно пуле, да так и застрявшую внутри. Нет, плакать нельзя. Потому что плакать не о чем. Ведь это был всего лишь сон, плохой сон – кошмар. На самом деле этого не было. Не было. Не было. Не было. Вот о чем я думаю: этого не было, не было, не было. Повторяю эти слова, как мантру. Как молитву.

Я не знаю, исчезнут ли когда-нибудь эти картины, вспыхивающие у меня в голове, – словно смотрю кино о случившемся не здесь и не со мной. Закончится ли когда-нибудь этот фильм, перестанет ли он преследовать меня? Снова закрываю глаза, но все, что я вижу, чувствую и слышу – это его кожу, его плечи, его ноги, его руки – слишком сильные руки, и его дыхание на своей коже, напрягшиеся мышцы, хруст костей слабого тела и затихающую себя. Для меня существует только это. Больше ничего нет.

Не знаю, сколько часов проходит, прежде чем я просыпаюсь и меня встречают привычные звуки воскресного утра: грохот кастрюль и сковородок на плите. В щель под дверью просачивается запах еды – бекон, блинчики, мамин кофе. Звук из телевизора – холодный фронт, штормовое предупреждение в районе полудня – папа слушает прогноз погоды. Работает посудомойка. Как обычно, тявкает брехливая собачка из дома напротив. И почти неслышные удары мяча о запотевший асфальт, и мягкие подошвы кроссовок, шаркающие по дорожке. Подобно любому другому сонному бестолковому пригороду, наш сонный бестолковый пригород с трудом просыпается, мечтая о том, чтобы суббота была не одна, а хорошо бы две, с ужасом ожидая похода в церковь, выполнения списка необходимых домашних дел и утра понедельника. Жизнь продолжается, все как обычно. Нормальная жизнь. И я не могу отделаться от мысли, что жизнь будет продолжаться независимо от того, проснусь я или нет. Отвратительно нормальная жизнь.

Заставляя себя разлепить глаза, я еще не подозреваю о том, что механизм лжи уже запущен. Пытаюсь сглотнуть, но горло распухло. Как будто у меня инфекция. Наверное, заболела, говорю я себе. Похоже, у меня лихорадка, и я просто брежу. Мысли путаются. Касаюсь губ. Щиплет. И вкус крови во рту. Но нет, этого не может быть... Этого не было. И, глядя в потолок, я думаю: наверное, у меня серьезные проблемы, раз мне снятся такие вещи. Такие ужасные вещи про Кевина. Кевина! Ведь Кевин – лучший друг моего брата, а значит, и

мне почти брат. Родители его обожают, да его все обожают, даже я, и Кевин никогда бы... он бы не смог. Это невозможно. Но потом я пытаюсь пошевелить ногами и встать. Ноги болят, как будто они сломаны. Все зубы ноют, как при остром кариесе.

Снова закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Опускаю руку вниз и касаюсь своего тела. Я без трусов. Быстро сажусь, и кости скрипят, как у старухи. Мне страшно смотреть, но они там, мои скомканные трусы- «неделька», валяются на полу. Трусы с надписью «вторник», хотя вчера была суббота – но какая кому разница? Вот о чем я думала, надевая их вчера. И теперь я уже не сомневаюсь, что это произошло. Это мне не приснилось. И боль вновь пронзает меня откуда-то из глубины, из самого центра моего тела. Я сбрасываю простыню и покрывало; на руках и бедрах круглые синяки размером с теннисный мяч. И кровь. Кровь на простынях, на подушке, на моих ногах.

А ведь это воскресенье должно было быть самым обычным.

Я должна была встать, одеться и сесть за стол завтракать с родителями и братом. После завтрака быстро вернуться к себе и доделать домашнее задание, которое не закончила в пятницу вечером, уделив особое внимание геометрии. Повторить новую песню, которую разучивал наш оркестр, позвонить своей лучшей подруге Маре, а потом, может быть, пойти к ней в гости и сделать еще кучу других бессмысленных тупых вещей.

Но, сидя в кровати и ошеломленно глядя на свои заляпанные кровью ноги, я понимаю, что сегодня все будет по-другому. Я зажимаю рот трясущейся рукой.

В дверь дважды стучат. Я подсакиваю.

– Иди, ты проснулась?! – кричит мама. Открываю рот, но в глотку словно залили соляной кислоты. Мне кажется, я никогда больше не смогу произнести ни слова. Тук, тук, тук. – Иден, завтракать! – Я торопливо одергиваю ночнушку, но она тоже измазана кровью.

– Мам, – мне наконец удается выдавить из себя жуткий хрип.

Она открывает дверь, заглядывает в комнату и сразу видит кровь.

– О боже, – ахает она, проскальзывает внутрь и быстро закрывает дверь.

– Мам, я... – Как выговорить эти слова, худшие в мире слова, которые я должна произнести?

– О, Иди. – Она вздыхает и с грустной улыбкой поворачивается ко мне. – Ничего страшного.

– Как... – запинаясь, произношу я. Как это может быть? Что значит – ничего страшного, в каком таком мире это не страшно?

– Иногда месячные начинаются неожиданно. – Мама начинает суетиться, прибираться и едва смотрит на меня, объясняя про месячные, календари и подсчет дней. – Но у всех бывает. Поэтому я и говорила – нужно вести календарь. Тогда не будет таких... неожиданностей. И ты будешь готова.

Так вот, значит, что она подумала.

Я посмотрела достаточно фильмов и знаю, что мне нужно все рассказать. Нужно все обязательно рассказать, черт возьми.

– Но...

– Иди-ка прими душ, дорогая, – прерывает меня она. – А я пока займусь этим... – Мама обводит мою кровать широким жестом, подыскивая нужное слово, – ...беспорядком.

Беспорядком. О боже. Сейчас или никогда. Сейчас или никогда. Надо сказать сейчас.

– Мам. – начинаю я опять.

– Не смущайся, – смеется она. – Ничего страшного, правда. – Мама встает передо мной и кажется выше обычного; протягивает мне халат и совершенно не замечает трусы с надписью «вторник» у своих ног.

– Мам, Кевин. – говорю я, но стоит произнести его имя, и к горлу подкатывает тошнота.

– Не волнуйся, Иди. Он за домом с твоим братом. Играют в баскетбол. А папа смотрит ящик, как обычно. Никто тебя не увидит, иди. Надень халат.

Смотрю на нее снизу вверх и чувствую себя такой маленькой. А голос Кевина, точнее, его шепот, грохочет в голове, как торнадо: *«Тебе никто не поверит. Ты же знаешь. Никто. Никогда».*

Его дыхание обжигает лицо.

Потом мама трясет передо мной халатом, и ложь, которую даже не пришлось выдумывать, начинает действовать. Она смотрит на меня привычным взглядом – раздраженным: мол, сейчас воскресенье, и у меня нет времени с тобой возиться. Намекает на то, что пора бы мне встать, чтобы она смогла разобраться с этим беспорядком. Теперь я понимаю: никто не собирался ни слушать меня, ни замечать, что со мной что-то произошло, – и он это знал. Он слишком часто приходил к нам домой, чтобы понять, как здесь все устроено.

Пытаюсь встать, не подавая виду, что все кости болят, как сломанные. Заталкиваю трусы под кровать, чтобы мама их не нашла и у нее не возникло вопросов. Беру халат. Принимаю ложь. И глядя на маму, которая срывает с кровати грязные простыни – улики – понимаю, что если сейчас ничего не скажу, то не скажу уже никогда. Потому что он был прав – мне никто никогда не поверит. Ни за что. Никогда.

В ванной я аккуратно снимаю ночнушку и, держа ее на вытянутой руке, выбрасываю в мусорное ведро под раковиной. Поправляю очки и внимательно разглядываю себя в зеркале. На горле несколько бледных отметин в форме его пальцев. Но по сравнению с другими синяками они почти незаметны. На лице синяков нет. Только длинный шрам над левым глазом – это я два года назад упала с велосипеда. Волосы растрепаны чуть больше обычного, но в целом я выгляжу как всегда. Никто ничего не заметит.

Несмотря на то что я докрасна терла кожу мочалкой, наверное думая, что так можно стереть синяки, чувствую я себя по-прежнему грязной. Выйдя из душа, я сразу вижу его. Он сидит за моим кухонным столом в моей гостиной с моим братом, моим отцом и матерью и пьет апельсиновый сок из моего стакана. Его рот касается стакана, из которого мне когда-нибудь тоже придется пить. Вилки, которую вскоре будет никак не отличить от других вилок. Его отпечатки пальцев не только на каждом сантиметре моей кожи, но повсюду – в этом доме, в моей жизни, в моем мире. Весь мир им заражен.

Я с опаской вхожу в гостиную, а Кейлин поднимает голову и хмурится. Он все видит. Я знала, что он сразу поймет. Если кто и должен был понять, так это он, мой старший брат. Если на кого я и могу рассчитывать, так это на него.

– Ты что такая странная? Какая-то вся напряженная, – говорит он. Сразу понял, а все потому, что знает меня лучше, чем я сама себя знаю.

И вот я стою и жду, как же он поступит. Жду, когда он положит вилку и отведет меня в сторону, на задний двор, а там потребует объяснить, что со мной не так. Что произошло. И тогда я расскажу о том, что сделал со мной Кевин, а он в ответ успокоит меня, как обычно, и скажет что-то вроде: *не волнуйся, Иди, я с ним разберусь.* Он так всегда говорил, когда меня кто-то обижал. А потом бросится в дом и зарежет Кевина его собственным ножом для масла.

Но все происходит не так.

Брат продолжает сидеть за столом и смотреть на меня. А потом на его губах вдруг возникает знакомая усмешка. Так мы улыбаемся, когда вспоминаем шутку, известную только нам двоим. И он ждет, что я отвечу, дам знак или засмеюсь – наверное, думает, что я хочу разыграть наших родителей. Он хочет понять, что я затеяла, но не понимает. Кейлин пожирает плечами, смотрит в тарелку и отрезает большой кусок блинчика. А я стою в коридоре, как замороженная, и чувствую, что пуля еще глубже вонзается в живот.

– Нет, правда, ты чего глаза так вытаращила? – говорит он с набитым ртом знакомым мне подтрунивающим тоном, за годы отработанным до совершенства: мол, ты самая тупая в мире сестра.

А Кевин – тот даже не смотрит на меня. Ни угрожающих взглядов, ни предупредительных жестов – ничего. Как будто ничего и не случилось. С тем же холодным равнодушием, что и всегда. Словно я для него по-прежнему придурковатая младшая сестричка Кейлина с растрепанными волосами и веснушками, ботанка-девятиклассница, которая играет в дурацком оркестре и вечно тащится позади со своим кларнетом. Только вот я уже не такая. Я точно не хочу быть такой. Наивной дурочкой, которая позволила сделать с собой такое.

– Ну же, Минни-мышка, – говорит папа. Минни-мышка – мое прозвище, потому что я такая тихая. Он окидывает жестом еду за столом. – Садись. А то все остынет.

И вот я стою перед ними – девочка-мышка в сползающих на нос очках с погнутой оправой, беспомощная перед четырьмя парами глаз, которые ждут, когда же я начну играть свою роль – стою и наконец начинаю понимать, зачем это все. Я понимаю, что предыдущие четырнадцать лет были всего лишь генеральной репетицией; все это время я готовилась к тому, чтобы теперь замолчать навсегда. Почти касаясь губами моих губ, Кевин шептал: «Чтобы ни звука». Прошлой ночью это был приказ, команда, а сейчас это реальность.

Я поправляю очки. А потом с уханьем в животе, похожим на страх перед выходом на сцену, медленно и осторожно начинаю двигаться. Пытаясь притвориться, что все части моего тела внутри и снаружи не болят и не пульсируют, я сажусь рядом с Кевином, как делала много раз во время наших семейных завтраков. Ведь мы считали его частью семьи – сколько раз мама это повторяла? Мы всегда были ему рады. Всегда.

После завтрака дом затихает. Кейлин и Кевин уходят играть в баскетбол с приятелями из школьной команды. Папа отправляется в строительный магазин за каким-то особым ключом, без которого не прикрутишь новую душевую насадку – его рождественский подарок маме. А мама в своей комнате подписывает новогодние открытки.

Я же сижу в гостиной и смотрю в окно.

Разноцветная рождественская гирлянда на гараже судорожно мигает в сером утреннем свете. Небо занавесили многослойные облака; оно словно давит на меня. Громадный сдувшийся Санта-Клаус на заснеженной соседской лужайке раскачивается взад-вперед, танцует свой медленный зловещий танец зомби. Я словно очутилась в фильме «Волшебник страны Оз» – в той сцене, где все из черно-белого становится цветным. Только у меня наоборот. Всю жизнь я думала, что мир вокруг цветной, а на самом деле он оказался черно-белым. Теперь я это вижу.

– Ты в порядке, Иди? – В гостиную со стопкой конвертов в руках вдруг входит мама.

Я пожимаю плечами, но, кажется, она даже не замечает этого.

Мимо знака «стоп» на углу проезжает машина; водитель даже не смотрит, переходит ли кто-нибудь улицу. Говорят, что большинство людей попадают в автомобильные аварии в радиусе менее полутора километров от дома. Наверное, потому, что все кажется таким знакомым и ты просто теряешь бдительность. Не замечаешь, что что-то вдруг изменилось, что-то не так. Не видишь опасность. Наверное, со мной произошло то же самое.

– Знаешь, что мне кажется? – произносит мама тоном, каким начала разговаривать со мной с тех пор, как Кейлин летом уехал в колледж. – Ты злишься на брата, потому что он проводит с тобой слишком мало времени. – Не дожидаясь моих возражений, она продолжает говорить. Чтобы я не успела сказать ей, что на самом деле это она злится, что сын так мало времени проводит дома. – Я знаю, тебе хочется, чтобы вы провели каникулы только вдвоем, как раньше. Но он взрослеет. Вы оба взрослеете. И он теперь в колледже, Иди.

– Я знаю... – начинаю я, но мама снова меня обрывает.

– Вполне естественно, что на каникулах ему хочется повидаться с друзьями.

На самом деле, с тех пор как Кейлин уехал, ни она, ни я не знаем, как себя вести. Мы словно вдруг стали чужими. Словно Кейлин нас скреплял, а без него все развалилось. Пока он был здесь, у нас был смысл, причина быть вместе. Но что нам делать теперь, когда больше не надо болеть за него на баскетбольных матчах? О чем говорить за кухонным столом без историй о том, что приключилось с ним в очередной раз? Я ему в подметки не гожусь – это все знают. Разве хоть что-нибудь в моей жизни может сравниться с беспрестанной чередой волнительных событий, которыми наполнен каждый день Кейлина Маккрори? Сначала мне казалось, что мы как-то приспособляемся. Но все мы потеряли самое главное. Папа как-то потерялся, лишившись рядом еще одного члена семьи мужского пола. Мама не знает, куда себя деть: все ее внимание и время больше не заняты Кейлином. А я – я просто хочу, чтобы вернулся мой лучший друг. Вот так все просто. И сложно.

– Тебе бы тоже не помешало отвлечься, – продолжает она, перебирая конверты в руках. – Завести новых друзей. Новый год уже наступил. – Мама улыбается. Я – нет. – Знаешь, Иди, мне очень нравится Мара, она прекрасная подруга, но... в жизни мы не должны ограничиваться дружбой всего лишь с одним человеком, понимаешь?

Я встаю и иду мимо нее на кухню. Наливаю стакан воды, чтобы занять себя хоть чем-то, кроме этого бессмысленного разговора с мамой и бесконечного потока мыслей, проносащихся в голове и разбивающихся друг о друга, как сошедшие с рельсов поезда.

Она подходит ко мне и встает рядом. Я чувствую, как она смотрит на меня, вижу ее боковым зрением. Мне хочется куда-нибудь спрятаться. Мама протягивает руку и хочет убрать за ухо выбившуюся прядь волос, как делает всегда, но я отстраняюсь. Не нарочно. А может, и нарочно. Сама не знаю. Я тут же понимаю, что обидела ее, и открываю рот, чтобы извиниться, но у меня вылетает:

– Здесь слишком душно. Пойду на улицу.

– Л-ладно, – медленно и растерянно произносит мама.

И ноги сами несут меня прочь, подальше от нее. Хватаю куртку с крючка у двери, засовываю ноги в сапоги и выхожу на задний двор. Отряхнув снег с деревянных качелей, сажусь; от прикосновения к холодному дереву и металлическим цепям ноют все мои синяки. Мне просто хочется посидеть немного, подышать и попытаться понять, как это могло случиться. И что мне теперь делать.

Я крепко закрываю глаза, переплетаю пальцы и начинаю истово молиться. Вообще-то, я молюсь гораздо реже, чем следовало бы, но сейчас взываю к небесам, как никогда в жизни. Я молю о том, чтобы каким-то чудом отменить случившееся. Еще раз проснуться сегодняшним утром, но чтобы случившееся вчера не произошло.

Помню, как мы с ним сидели за столом и играли в «Монополию». Но это же ничего не значит. Я тогда ничего плохого не заметила. Он даже был мил со мной. Вел себя так, словно я ему... нравилась. Как будто я не просто младшая сестренка Кейлина, а человек. Девушка, а не просто ребенок. Я пошла спать счастливой. Уснула, думая о нем. А следующее, что я помню, – как проснулась, а он уже взбирался на меня, зажимал рукой рот и шептал «тихо, тихо, тихо». Все произошло так быстро. Как будто это был сон, всего лишь сон, и я могла очнуться в любой момент в безопасности, в своей постели. Это было бы гораздо больше похоже на правду. И все было бы хорошо. Ничего бы не изменилось. Я просто лежала бы в кровати, где со мной никогда не может случиться ничего плохого.

– Проснись, – шепчу я вслух. *Господи, просто проснись. Проснись, Иди!*

Тут кто-то окликает меня:

– Иден!

Я открываю глаза, оглядываюсь, и сердце падает. Я не в своей кровати. Я на заднем дворе на качелях, пальцы без перчаток онемели, вцепившись в металлические цепи.

– Ты что там делаешь?! Расщепляешь атомы?! – кричит брат с порога. – Я раз сто тебя позвал.

Он подходит ко мне быстрым, широким и уверенным шагом, хрустя свежим снегом под ногами. Я выпрямляюсь, кладу руки на колени и стараюсь ничем не выдать себя, хотя в данный момент мое тело кажется мне совершенно чужим.

– Ну что, Иди, – Кейлин садится рядом со мной на качели, – слышал, ты на меня злишься?

Пытаюсь улыбнуться, изо всех сил пытаюсь вести себя как обычно.

– Дай-ка угадаю, кто тебе это сказал.

– Она говорит, ты злишься, потому что мы проводим вместе слишком мало времени. – Судя по его полуулыбке, Кейлин ей отчасти верит.

– Неправда.

– Но ведешь ты себя действительно странно. – Брат толкает меня локтем и с улыбкой добавляет: – Даже если учесть, что это ты.

Может, это мой шанс? Неужели Кевин и вправду убьет меня, если я расскажу... может ли он меня убить? Думаю, да. Он ясно дал понять, что если захочет, то сможет. Но его сейчас здесь нет. Здесь Кейлин. Он здесь, чтобы защитить меня и встать на мою сторону.

– Кейлин, пожалуйста, не уезжай завтра! – вырывается у меня. Мне вдруг кажется очень важным, что я должна убедить его не уезжать. – Не возвращайся в колледж. Не бросай меня, пожалуйста! Прошу, – умоляю я, чуть не плача.

– Что? – спрашивает брат со смехом в голосе. – Что это на тебя нашло? Я должен уехать, Иди. У меня нет выбора. Ты же знаешь.

– Неправда, есть. Есть у тебя выбор. Ты мог бы пойти в местный колледж... ты ведь поступил, помнишь?

– Поступил, но выбрал другое место. – Брат замолкает и неуверенно смотрит на меня. – Послушай, даже не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал сейчас... Ты серьезно?

– Мне просто не хочется, чтобы ты уезжал.

– Хорошо, давай смеха ради предположим, что я останусь. Довольна? Но как быть с учебой? Сейчас середина учебного года. Все мои вещи остались в колледже. У меня там девушка. Да вся жизнь теперь там, Иди. Я не могу просто так все бросить и вернуться домой, чтобы мы с тобой больше общались.

– Да я не это имела в виду. Не обращай со мной, как с ребенком, – тихо отвечаю я.

– Без обид, Иди, но ты и есть ребенок. – Кейлин смеется, похлопывая меня по плечу. – К тому же что прикажешь делать Кевину? Мы же с ним соседи. У нас одна машина на двоих, общие счета – все общее. Мы полагаемся друг на друга, Иди. Как два взрослых человека. Понимаешь?

– Я тоже на тебя полагаюсь. Ты нужен мне.

– С каких это пор? – смеется он.

– Не смешно. Ты *мой* брат, а не Кевина! – я чуть не перехожу на крик. Голос дрожит.

– Ладно, ладно. – Брат закатывает глаза. – Ты что, с Нового года шутки понимать перестала? – Он встает, и я вижу, что разговор окончен: он сказал все, что хотел. – Давай, пошли в дом. – Кейлин протягивает руку. Мои ноги опускаются на снег и инстинктивно начинают следовать за ним, как всегда; рука тянется к нему, но когда пальцы уже почти касаются его ладони, что-то внутри меня обрывается. Я чувствую это физически, как если бы мое тело было машиной и шестеренки внутри, закрипев, остановились. Как будто произошло короткое замыкание, мышцы парализовало, и они не дают телу двигаться.

– Нет, – твердо произношу я голосом, который словно принадлежит кому-то другому.

Брат стоит и смотрит на меня сверху вниз. Он растерян – еще никогда в жизни я не говорила ему «нет». Переминаясь с ноги на ногу, Кейлин слегка наклоняет голову вбок, как

собака, выдыхает облачко пара и открывает рот. Но я не могу позволить ему произнести шутовую остроту, которую он сейчас обдумывает.

– Ничего ты не понимаешь! – Я бы выкрикнула эти слова, если бы мои зубы не были сжаты.

– Не понимаю чего? – Его голос на октаву выше обычного, и он оглядывается кругом, точно ищет кого-то, кто бы объяснил ему, что происходит.

– Ты мой брат. – Слова рвутся с языка и обрушиваются лавиной. – Не Кевина!

– Да что с тобой такое? Хотя я знаю, в чем дело!

Я встаю, потому что должна сказать ему правду, прежде чем он уйдет. Должна рассказать, что произошло.

– Если ты знаешь, почему он все время проводит здесь? Зачем ты всегда привозишь его с собой? У него что, своей семьи нет? – Мой голос срывается, и слезы катятся из глаз.

– В первый раз слышу, что тебе не нравится его присутствие. Мне казалось, как раз наоборот. – Его слова эхом повисают в воздухе. Я поднимаю голову и смотрю на Кейлина. Мои глаза затуманены слезами, но я все равно замечаю, что он злится.

– Что значит – как раз наоборот? – вздрогнув, спрашиваю я.

– А то, что, может, пора уже забыть о своей девчачьей влюбленности? Сначала это выглядело мило, даже забавно, но, Иди, сколько можно? Ты стала какая-то злобная. На себя не похожа. – И тут же добавляет, скорее, отвечая на свои собственные мысли: – Хотя, наверное, я должен был это предвидеть. Забавно, мы с Кевином только что об этом говорили.

– О чем? – выдыхаю я почти беззвучно. Поверить не могу. Поверить не могу, что он это сделал! Настроил против меня моего брата, моего единственного лучшего друга и союзника.

– Забудь, – огрызается Кейлин, поднимает руки и уходит. Мне лишь остается смотреть, как его фигура, уменьшаясь, сливается с черно-белым фоном. Я стою на улице еще некоторое время, пытаюсь понять, что теперь делать, куда идти, как жить в мире, где брат больше не на моей стороне.

В тот вечер я тихо закрываю дверь. Поворачиваю защелку на девяносто градусов вправо и как можно сильнее дергаю за ручку – на всякий случай. Потом поворачиваюсь и смотрю на кровать. Простыни и подушка чистые, на постели ни складочки. Не знаю, получится ли у меня прожить еще хоть минуту, не сказав кому-нибудь, что произошло. Достаяю телефон из кармана и звоню Маре, но сбрасываю звонок.

Я включаю потолочный светильник и настольную лампу и достаю с верхней полки шкафа спальный мешок. Разворачиваю его на полу и пытаюсь думать о чем угодно, кроме того, почему не могу спать в кровати. Ложусь – точнее, падаю – на пол своей комнаты, накрываю голову подушкой и плачу так сильно, что, кажется, никогда не перестану. Я плачу до тех пор, пока слезы не кончатся, пока они все не выливаются, как будто мои слезные железы вдруг отказали. Остаются только звуки: вздохи и всхлипы. Мне кажется, что я сейчас усну и уже не проснусь. Почти надеюсь, что так и будет.

Если на свете есть ад, он похож на школьную столовую. Первый день в школе после зимних каникул. Я что есть сил пытаюсь просто вернуться к нормальной жизни. Жить как раньше. Стать той, кем я была раньше.

Отстояв в очереди за обедом, оглядываюсь в поисках Мары. Наконец вижу, как подруга машет мне рукой из гомонящей толпы. Она нашла нам местечко у окна, в углу, где вечный сквозняк. Через каждый шаг кто-то преграждает мне дорогу, кричит, чтобы его услышали в этом гаме, добавляя в общий гвалт еще больше децибел.

– Сюда! – вопит Мара, когда я подхожу ближе. – Стивен пришел пораньше и занял нам столик. – Мара улыбается во весь рот: она весь день улыбается, да и всю неделю, с тех пор, как ей сняли брекететы.

– Здорово, – отвечаю я. Занять этот стол – все равно что выиграть джекпот. В этом углу нас никто не заметит и не будет дергать, как обычно. Но я достаиваю Стивена лишь слабой улыбкой.

Стивен Райнхайзер, больше известный как Жирдяй – милый тихоня, фотограф, снимающий для школьного ежегодника. Иногда садится с нами за обедом. Не то чтобы мы дружим, нет. Скорее, просто знакомы. Стивен принадлежит к другой разновидности школьных чудиков, чем мы с Марой. Мы – чудики, которые вступают в клубы и играют в оркестре. А он просто никуда не вписывается. Но это неважно; между нами существует безмолвное взаимопонимание. Мы знакомы со Стивеном со средней школы. Знаем, что в седьмом классе у него умерла мама. Как и нам, ему пришлось несладко; возможно, даже хуже, чем нам. Поэтому мы вроде как присматриваем друг за другом. То есть если кому-то из нас удастся отхватить подходящий столик в углу за обедом, мы все усаживаемся за него и не говорим о том, почему так важно занять именно этот стол.

– Иди, – как обычно неуверенно начинает Стивен, – не хочешь вместе поработать над докладом по истории для мистера Симмонса?

– Каким докладом?

– О котором он говорил сегодня утром. Помнишь, он раздал нам список тем? – напоминает одноклассник.

Но у меня в памяти провал. Должно быть, это бросается в глаза, потому что Стивен открывает папку, улыбается, достает листок бумаги и передает мне.

– Как тебе такая тема: «Колумб – герой или злодей?»

Смотрю на этот листок, будто вижу его впервые.

– О. Ладно. Хорошо. Звучит неплохо. Колумб.

Мара достает зеркальце и в миллионный раз принимается изучать свои зубы, проводя языком по их гладкой поверхности.

– Боже, неужели у всех всегда зубы такие? – рассеянно спрашивает она.

Но не успеваем мы ответить, как на наш стол обрушивается канонада из кукурузных зерен.

– Фу, гадость! – визжит Мара и вытряхивает из прически маленькие желтые шарики. Те одна за другой падают на пол. Я восстанавливаю траекторию полета, и мой взгляд падает на стол компании десятиклассников) в куртках с эмблемой школьной футбольной команды. Сложившись пополам, они бьются в истерике, глядя, как Мара пальцами вычесывает кукурузу из длинных волос. Ее голос звенит в голове далеким эхом:

– Все, больше нет?

Я смотрю на нее, но мне кажется, что это происходит где-то очень далеко и в замедленной съемке. Стивен кладет бутерброд с колбасой на целлофановый пакетик и откашливается, словно собирается что-то предпринять. Но вместо этого лишь смотрит вниз, как будто хочет просверлить этот чертов бутерброд взглядом и в данный момент это единственное, что его волнует.

– Батарей, огонь! – кричит кто-то.

Я поворачиваю голову и вижу, что один из парней – с идиотской ухмылкой и прыщами на лице – прицеливается. Его катапульта из дешевой, легко гнущейся металлической ложки с бледно-зеленым горошком готова выстрелить в мою сторону. Его указательный палец слегка оттягивает кончик ложки.

И тут меня пронизывает горячая, раскаленная добела ярость; она застилает глаза и охватывает сердце, заставляя его неумолимо биться. Я вскакиваю с места, даже не успев понять, как телу удалось так быстро сорваться без какого-либо сигнала от мозга. Прыщавый прищуривается, щель рта еще больше раздвигается, а приятели начинают его подбадривать.

Палец спускает курок. Горошины ударяют мне прямо в грудь и падают на пол с глухим, тихим, плоским стуком, который, клянусь, был слышен поверх остального шума.

Планета вдруг замирает на своей орбите, она останавливается и замолкает на мгновение. Все взгляды прикованы ко мне, стоящей в центре зала с гороховым пятном на рубашке. Время снова ускоряется, и это мгновение остается позади. В столовой возобновляется обычная какофония звуков. Земля снова начинает свое вращение вокруг Солнца. Вздохи, крики и смех присутствующих захлестывают меня волной, мой мозг перегревается. И я бегу. Я просто убегаю.

Я вылетаю из столовой и знаю, что Мара смотрит мне вслед. Воздев руки к отупляющему флюоресцентному свету лампы, она беззвучно произносит: «Что ты делаешь?» Стивен, ошеломленно раскрыв рот, переводит взгляд с меня на Мару, а затем на свой бутерброд с колбасой. Но я не могу остановиться. Не могу обернуться. Не могу вернуться туда. Больше никогда. Без пропуска¹, без разрешения и единой связной мысли в голове, кроме «надо убираться отсюда», я убираюсь.

В коридоре я перехожу на быстрый шаг. Дышать почти не получается: что-то душит меня изнутри. Ноги на автопилоте несут меня вверх по лестнице. Я ищу место – любое место – где можно просто побыть в покое. Толкнув двойные двери библиотеки, я словно оказываюсь на воздухе. Здесь яркий свет, здесь жизнь течет в более мирном ритме. Останавливаюсь в дверях, и мое сердцебиение замедляется. Во всем зале лишь несколько учеников. Никто даже не поворачивается в мою сторону.

Дверь позади стойки библиотекаря открывается, и в зал входит мисс Салливан со стопкой книг в руках. У нее такая теплая улыбка.

– Здравствуй. Чем могу помочь? – спрашивает она и кладет книги на стойку.

«Спрячьте меня», – хочется взмолиться мне. Просто позвольте мне укрыться от всего мира. Я больше никогда не хочу выходить наружу. Но разве могу я об этом просить? Я ничего не отвечаю. Я просто не могу.

– Заходи, – зовет меня она. – Запишись. – И женщина протягивает мне лист регистрации посетителей.

Я беру ручку, привязанную к папке за веревочку. Неуверенно сжимаю ее дрожащими пальцами, как китайскую палочку для еды, и царапаю кончиком бумагу. В регистрационном листе нужно проставить дату, имя, время и написать, откуда ты пришел. Это нужно делать каждый раз, когда переходишь из класса в столовую, из столовой в класс или в библиотеку.

Мисс Салливан смотрит на неразборчивые каракули, которые должны обозначать мое имя.

– Напомни, как тебя зовут? – ласково спрашивает она.

– Иден, – еле слышно отвечаю я.

– Хорошо, Иден. Откуда ты сейчас? – Эту графу я не заполнила.

Я открываю рот, но сначала не могу произнести ни слова. Мисс Салливан снова мне улыбается.

– Из столовой. Но у меня нет пропуска в библиотеку, – признаюсь я, чувствуя себя беглой преступницей. Смотрю на нее через стойку, и глаза застилают слезы.

– Ничего страшного, Иден, – спокойно отвечает та.

Вытираю глаза рукавом.

– Знаешь, кажется, у меня было средство от пятен, – женщина показывает на зеленые пятна на моей рубашке. – Зайдем ко мне в кабинет?

¹ В американских школах ученики получают от учителей специальные пропуска, разрешающие им покидать классы во время занятий, чтобы пойти в столовую, туалет, библиотеку или в школьный медицинский кабинет.

Она открывает дверцу за стойкой и пропускает меня внутрь, закрывая за нами дверь кабинета.

– Садись.

Мисс Салливан роется в одном из ящиков стола, вытаскивая ручки, карандаши, маркеры. В кабинете светло и тепло. Стол в углу целиком заставлен комнатными растениями. На стенах развешаны плакаты, посвященные книгам и библиотекарям. С одного из плакатов, самого большого, на котором крупными буквами написано «ЧИТАЙ», на меня смотрит улыбающийся президент с книгой в руках. На другом написано: «Комната без книг – как тело без души. Цицерон».

– Ага. Вот и он! – Женщина протягивает мне пятновыводитель-карандаш. – Всегда держу его под рукой. Я очень неуклюжая, вечно что-нибудь на себя проливаю. – Она с улыбкой смотрит, как я покрываю мягким кончиком карандаша пятна на рубашке.

– Не отправляйте меня обратно на обед, пожалуйста, – умоляю я. Я в полном отчаянии и слишком устала, чтобы притворяться, что это не так. – Может, во время обеда я могла бы вам помочь? Как считаете?

– Иден, мне бы очень хотелось согласиться, – нахмурившись, отвечает мисс Салливан. – Но, к сожалению, в обеденное время у нас и так уже много помощников. Хотя ты прекрасно бы нам подошла, я правда так считаю. А ты не хочешь помочь в другое время? Например, вместо самостоятельных занятий?

– А точно нет мест в обед? Я правда совсем-совсем не могу больше ходить в столовую. – Я чувствую, что у меня снова наворачиваются слезы.

– Можно спросить почему?

– Это... это личное.

Правда в том, что это унижительно. Слишком унижительно: ты приходишь в столовую и вынуждена прятаться, но несмотря на это в тебя швыряют едой, и ты ничего не можешь поделать, а твои друзья слишком боятся вступить и за тебя, и за себя. И ты тоже не можешь себя защитить, потому что на тебя только что напали в собственном доме, в собственной постели – в единственном месте, где ты должна чувствовать себя в безопасности. Вот почему это личное. И вот почему я не могу правдиво ответить на вопрос «почему», особенно этой женщине, которая так ласково на меня смотрит и ждет, что я отвечу, а она сможет как-то помочь. Она не сможет помочь, поэтому я кашляю и повторяю:

– Это личное.

– Понимаю. – Мисс Салливан грустно улыбается и опускает голову, разглядывая свои ногти. Интересно, она правда понимает или просто говорит то, что принято говорить в таких ситуациях?

Я уже хочу встать и уйти, но тут выражение ее лица меняется. Как будто она решила взять меня в помощники, несмотря ни на что. Как будто она хочет сжалиться надо мной.

– Знаешь, у меня есть идея, и, может быть, тебе это будет интересно, – говорит женщина.

Я придвигаюсь ближе, балансируя на самом краешке стула.

– Я хочу создать что-то вроде книжного клуба. Собираться будем в обеденный перерыв. Любой, кто хочет почитать что-то помимо школьной программы, сможет присоединиться. Своего рода дискуссионный клуб для друзей, понимаешь? Ты хотела бы принять участие?

– Да! Конечно, да, да. Я очень люблю книги! – И немного успокоившись, добавляю: – То есть... я люблю читать, и книжный клуб – это было бы здорово. – Я с трудом заставляю себя замолчать.

– Что ж, отлично! По школьным правилам в клубе должно быть не менее шести участников. И для начала подумай: кому-то из твоих друзей это может быть интересно?

– Да, думаю, я знаю двоих... ну, одного точно.

– Что ж, это уже кое-что. Если ты действительно хочешь участвовать в этом, придется тебе немного заняться организацией, понимаешь? Ведь я буду играть роль советника, помощника, а клуб, по сути, является ученической группой, и управлять ею должны сами ученики. Это ваш клуб, а не мой. Ясно?

– Да, конечно. И что мне нужно сделать, чтобы все организовать?

– Для начала можешь напечатать листовки и развесить их по школе. Посмотрим, сколько человек нам удастся привлечь.

– Это я могу. Могу даже прямо сейчас!

Мисс Салливан смеется.

– Прямо сейчас не нужно, хотя твой энтузиазм меня радует! На самом деле, это вовсе не обязательно, я просто предложила. Подумай, если хочешь, не спеши.

– А я уверена. Я правда хочу устроить книжный клуб!

– Ладно. Значит, договорились. Я подготовлю все бумаги, что скажешь?

– Отлично! – выкрикиваю я высоким дрожащим голосом, и еле сдерживаюсь, чтобы не перепрыгнуть через стол и не броситься ей на шею. – Это же просто здорово!

Я сразу же начинаю заниматься листовками и к концу школьного дня обклеиваю ими все стены.

В субботу утром ровно в десять раздается звонок в дверь.

– Я открою! – кричу я из спальни, но мама меня опережает. Она распахивает дверь как раз в тот момент, когда я влетаю в гостиную.

– Доброе утро, а ты, наверное, Стивен! Заходи, не мокни под дождем.

– Спасибо, миссис Маккрори, – Стивен с опаской заходит в дом, и вокруг его ног тут же образуются лужицы. Я знаю, что маму это бесит, но она не подает виду.

Стивен Райнхайзер протягивает маме дождевик и зонтик. Я наблюдаю за ним. За тем, как Стивен, знающий меня лишь с одной стороны, переступает невидимую границу, чтобы узнать меня совсем с другой.

– Кроссовки можешь оставить на коврик, – предлагает мама. Хочет удостовериться, что он снимет мокрую обувь, прежде чем ступить на ее драгоценный ковер. В нашем доме в обуви не ходят. Стивен остается в носках и выглядит смущенным. Я понимаю, что у него тоже есть свои границы.

– Привет, – наконец произношу я с улыбкой. Он улыбается в ответ, испытав облегчение при виде кого-то знакомого. – Заходи. Я решила, что мы позанимаемся здесь, за столом.

– Конечно, – мямлит он в ответ и следует за мной в столовую.

Мы садимся, и Стивен достает из рюкзака тетрадь. Я выравниваю стопку книг про Колумба, которые набрала в библиотеке.

– Что изучаете, Минни-мышка? – В проходе между кухней и гостиной вдруг возникает папа с кружкой горячего кофе в руках.

От испуга Стивен подпрыгивает на стуле, оборачивается и смотрит на него.

– Пап, это Стивен. Стивен, это мой папа. У нас доклад по истории, тема – Колумб.

Мысленно умоляю папу, чтобы поскорее уходил. Они с мамой оба слишком всполошились, потому что ко мне пришел мальчик. Я заранее их предупредила, что Стивен – не мальчик в смысле *мальчик*, мы просто учимся вместе. Я вообще не воспринимаю Стивена... в таком ключе. Мне кажется, я уже никогда никого не смогу воспринимать в таком ключе.

– Колумб – герой или злодей? – добавляет Стивен.

– О. Хмм. Отлично. – И папа с улыбкой уходит в гостиную.

– Что за «Минни-мышка»? – шепотом спрашивает Стивен.

– Тебе лучше не знать, – я закатываю глаза.

– Ты перестала ходить в столовую? – Это звучит как вопрос. – Прости.

– За что?

– За то, что случилось в понедельник. За обедом. Я мог бы за тебя заступиться. Точнее, должен был заступиться. Ненавижу этих придурков.

Я пожимаю плечами.

– Мара рассказывала про книжный клуб?

Одноклассник кивает.

– Хочешь присоединиться? Нам нужны люди. Минимум шесть участников. Мисс Салливан очень милая. Всю неделю разрешала мне сидеть в библиотеке вместо столовой. – Пытаюсь убедить его, что в библиотеке круто, гораздо круче, чем на самом деле. – Думаю, она все понимает.

– Что понимает?

– Ну... как все в школе устроено. Что все делятся на дурацкие группировки и должны следовать бессмысленным правилам. Понимаешь, о чем я? – Я осекаюсь: порой я забываю, что нам, вообще-то, нельзя об этом говорить. Мы просто должны примириться с положением вещей. И принять, что у всех такие же проблемы, как у нас. И что это *наши* проблемы. Хотя на самом деле нет.

Стивен как-то странно смотрит на меня.

– Ты же понимаешь, о чем я? – повторяю я.

Как можно не понимать? Он себя-то видел? Чудик чудиком. Толстый. И друзей у него нет.

– Да, – медленно отвечает он. – Да, понимаю. Просто мне никто об этом так в лицо не говорил, наверное. – Одноклассник смотрит на меня так, как никогда еще не смотрел: как будто я ему Америку открыла, поведала самый большой в мире секрет.

– Ну ты все-таки подумай про книжный клуб. – Я делаю паузу, чтобы перевести дыхание. – Ну что, займемся Колумбом?

– Да, – рассеянно отвечает он.

– Есть идеи? – Пытаюсь увести разговор от опасной темы и перейти к нашему докладу. – Он герой все-таки? Или злодей?

– Не знаю, – Стивен все еще погружен в свои мысли. – Я читал в интернете, что Колумб не был первооткрывателем. Индейцы жили в Америке до него, это ясно, но еще раньше Америку открыли викинги. И африканцы. И даже китайцы.

– Я тоже об этом читала.

– Кажется, Колумб был не первым, а последним, кто открыл Америку, – смеется Стивен.

– Точно, – соглашаюсь я. – А я успела просмотреть еще и эти. – Открыв одну из библиотечных книг, я протягиваю ее Стивену. – Ты знал, например, что Колумб похищал людей, отрезал им уши и носы и отправлял обратно в родные деревни в назидание другим? – Я показываю ему одну из иллюстраций в книге. – Колумб и его люди творили, что хотели.

Стивен читает книгу.

– Вот именно. Воровали еду, золото, брали людей в рабство, насиловали... – При этом слове я вздрагиваю, но Стивен продолжает читать. – Черт. Тут написано, что рабам приказывали вернуться с таким количеством золота – столько добыть никому не по силам. И тем, кто приносил меньше, отрезали руки и оставляли истекать кровью! А беглых рабов выслеживали с собаками и сжигали заживо! Да они были просто больные, – говорит Стивен и смотрит на меня.

– Значит, мы определились – Колумб был злодеем, так?

– Однозначно, – кивает он. – И с какой стати мы празднуем Колумбов день? Нужно его отменить. – Одноклассник улыбается.

– И правда. Бывает, кого-то принято считать невероятным человеком, героем, но все это ложь. На самом деле истинное лицо «героя» может оказаться совсем другим, – замечаю я.

Стивен снова кивает.

– Вот именно.

– Этот человек может оказаться чудовищем. Но никто не хочет замечать этого. Все предпочитают верить лжи и не видеть, сколько бед он натворил. И как же несправедливо, что злодеям сходит такое с рук и они никогда не заплатят за содеянное. Потому что все по-прежнему верят... – Тут я замолкаю, чтобы перевести дыхание. Заметив растерянность на лице Стивена, понимаю, что говорила не только о Колумбе.

– Да, – отвечает Стивен. – Я... знаешь, я полностью с тобой согласен.

– Хорошо. Отлично.

– Слушай, а давай знаешь что сделаем? – Его глаза загораются. – Нарисуем плакаты с Колумбом и его шайкой в стиле «разыскивается особо опасный преступник». И перечислим все их преступления. Как тебе идея? – с улыбкой спрашивает он.

– Мне нравится, – я улыбаюсь в ответ.

Обеденный книжный клуб. Так я его назвала. На следующей неделе у нас первое собрание. С пакетами для бутербродов устраиваемся в дальнем углу библиотеки – за столом рядом с устаревшей бумажной картотекой, которой никто больше не пользуется. Мара, Стивен, я и еще две девятиклассницы: одна из девочек выглядит словно ученица начальных классов. В начале года она перевелась из католической школы, но продолжает одеваться так, будто по-прежнему учится там: накрахмаленная, застегнутая на все пуговицы блузка, поверх нее колючий шерстяной свитер и всегда юбка в пол. Вторая девочка жует прядь своих волос. Вид у нее совершенно отсутствующий; кажется, она даже не понимает, зачем мы собрались.

– Не хватает одного участника, – сообщаю я, надеясь, что затея с клубом не провалится, так и не успев реализоваться.

Мисс Салливан смотрит на меня, и я понимаю, что от этого шестого участника зависит все: ей это известно не хуже моего. Она смотрит на часы. Минутная стрелка касается отметки один час.

– Время еще есть, – произносит мисс Салливан, как бы отвечая на мои мысли. – К тому же нестрашно, если в первый день все шестеро не соберутся.

И в этот момент к столу подходит тощий суровый на вид парень, которого я раньше никогда не видела. У него бледная кожа и черные волосы с выкрашенными под цвет его ярковасильковых глаз синими прядями. Нам нем прикольные очки в толстой оправе, а в нижнюю губу вставлены два серебряных колечка.

– Вау, – шепчет мне Мара, улыбаясь во весь рот.

– Что? – шепотом спрашиваю я.

– Ничего... просто «вау», – отвечает она и продолжает на него пялиться.

– Камерон! – здоровается мисс Салливан. – Рада, что ты решил прийти.

– Хм... – говорит он и отодвигает соседний со Стивеном стул. – Хм, да. Привет.

– Отлично, – начинает мисс Салливан, явно обрадовавшись пополнению нашей компании. – Тогда, может быть, начнем? Предлагаю сначала представиться по очереди, сказать пару слов о себе, о своих интересах и о том, что привело вас сюда. Давайте я буду первой. Меня зовут мисс Салливан, ну это вы знаете, – она смеется. – Я школьный библиотекарь, но у меня есть жизнь и кроме работы, хотите верьте, хотите нет! Например, я помогаю приюту для бездомных животных и беру на передержку собак, пока им ищут новых хозяев. Что касается этого клуба, я уже говорила Иден, что он ваш и мне хотелось бы, чтобы вы сами устанавливали правила. Мне кажется, было бы здорово иногда почитать просто для удовольствия, не только произведения из школьной программы, и обсудить прочитанное не на уроке. Здесь

мы можем говорить о проблемах, которые редко обсуждаются в рамках обычного сорокаминутного урока литературы.

Она указывает на меня, как бы говоря: *теперь твоя очередь*. Я тут же немного съезжаю под пристальными взглядами.

– Меня зовут Иден... то есть Иди. Или Иден. Я... я просто люблю читать. – Я пожимаю плечами. – Решила, что неплохо было бы организовать книжный клуб, – язык у меня заплетается. Мисс Салливан ободряюще кивает головой. А я себя ненавижу. Поворачиваюсь к Маре и молча умоляю ее прервать меня, заговорить, сказать что угодно.

– Меня зовут Мара, – дружелюбно произносит подруга, улыбаясь и показывая свои новые ровные зубки. – Я учусь в девятом классе. Занимаюсь музыкой и играю в оркестре. Люблю животных, – добавляет она, и это выходит у нее так естественно. Ну почему я не додумалась сказать то же самое? Я ведь тоже играю в оркестре. И люблю животных – да я их просто обожаю! – Так, что еще? Мне кажется, книжный клуб – отличное занятие в обеденный перерыв. Куда более приятное и спокойное, чем обед в столовой! – Она тихо усмехается, и все улыбаются в ответ. Особенно новенький. Мара толкает меня ногой под столом – мол, *ты это видела?*

– Спасибо, Мара. Кстати, нам в приюте не помешали бы волонтеры, – с улыбкой добавляет мисс Салливан. А я удивляюсь: как людям удается вести себя так нормально? Откуда они знают, что говорить и делать? Как это у них получается?

– Меня зовут Камерон, – влез впереди двух других девочек новенький. – Я здесь первый год. Интересуюсь искусством. И музыкой, – парень с улыбкой поворачивается к Маре. – Я тоже люблю читать. – Он переводит взгляд на меня. – И собак тоже люблю, – Камерон смотрит на мисс Салливан и улыбается.

Та отвечает ему искренней дружелюбной улыбкой.

– А я Стивен, – тихо бормочет Стивен. – Иди рассказала мне про книжный клуб, и я подумал – хорошее занятие вместо обеда в столовой! О, и я тоже люблю искусство, – добавляет он и смотрит на Камерона. – Увлекаюсь фотографией. Снимаю для школьного ежегодника.

– Круто, чувак! – Камерон одаривает Стивена своей сияющей улыбкой. Кажется, новенький залез на мою территорию – сначала любезничал с Марой, потом с мисс Салливан, теперь вот со Стивеном... И мне улыбается – мол, смотри, я хороший парень.

Он замечает, что я разглядываю его, пытаюсь понять, что за игру он затеял. Уж не знаю, с каким выражением я его изучала, но его улыбка меркнет, и парень смотрит на меня жестче, видимо, в свою очередь, пытаюсь понять, с какой это стати я хочу его разгадать. В это время девочки тоже рассказывают о себе, и мне стоило бы послушать их, но я не могу себя заставить.

– Спасибо за ваш рассказ. Я очень рада. Думаю, на сегодняшнем собрании нам нужно заняться организацией. – Мисс Салливан продолжает говорить, а у меня в голове по-прежнему туман. Но когда Камерон переключает свое внимание на нее, я вслед за ним тоже начинаю слушать. – Сколько книг в месяц вы сможете читать? Две? Одну? Три? Я не знаю. Можем обсудить, какие книги нам хотелось бы прочесть. Читать будем в свободное время, а обсуждать на встречах обеденного клуба. Что скажете?

– Мне кажется, две книги в месяц – самое то, – опередив меня, предлагает Камерон. Я как раз собиралась сказать то же самое.

– Да, две книги – самое то, – вторит ему Мара, и глаза ее как-то странно блестят.

– А почему не три? – спрашивает девочка из католической школы.

– Не уверен, что у меня хватит времени осилить три книги, учитывая, сколько нам задают, – с сомнением произносит Стивен и оглядывает собравшихся в поисках поддержки.

– Согласна, – решительно отвечаю я, лишь бы что-то сказать. Стивен улыбается. Он поддержал меня с Колумбом – должна же я его отблагодарить.

– Хорошо. Значит, большинство за две книги в месяц, – заключает мисс Салливан.

* * *

– Иди! Эта идея с клубом гениальна! Ничего лучше тебе в голову еще не приходило! – восторженно тараторит Мара, как только мы пересекаем границу внешнего мира и выходим из школы, направляясь к дому. – Какой классный парень! Ах!

– Тот чудик с синими волосами и пирсингом? – удивленно спрашиваю я.

– Они не синие. А черные с синими прядями. Это же круто! Он крутой.

– Угу, – тихо бормочу я.

– Ох, Иди, чувствую я, случится что-то хорошее. – Мара хлопает в ладоши.

– Ты о чем?

– Это же только начало – я и Камерон. Дальше мы познакомимся поближе, и... – Она не договаривает, мечтательно глядя в пустоту. И я понимаю, что сейчас Мара уже не со мной – погрузилась в свои неумные фантазии. – Да, – она снова поворачивается ко мне и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. – Теперь, когда мы все в книжном клубе, мы сможем познакомиться с ним поближе. Сначала просто станем друзьями. Говорят, что сначала лучше подружиться. А потом...

Я перестаю ее слушать, потому что знаю: она часами может планировать, что будет дальше.

– Ты заметила, как он на меня *смотрел*? Заметила? – спрашивает подруга.

Иногда я задумываюсь, что у нее творится в голове. Вот мисс Салливан и Стивен – они-то соображают. Вроде бы Мара тоже, но иногда мы с ней как будто говорим на разных языках. Как сейчас.

– Может, покрасить волосы в синий цвет? – спрашивает она в завершение монолога, длившегося почти всю дорогу домой.

– Что? Мара, нет!

– Хотела проверить, слушаешь ли ты.

– Прости. Я слушаю, – лгу я. Мы стоим под знаком «стоп» на углу моей улицы. Здесь мы обычно расходимся. Мне прямо. Ей налево. Вот только сегодня я не могу заставить себя двигаться в направлении дома. Ноги словно увязли в зыбучих песках. Мара стоит, смотрит на меня и, кажется, читает мои мысли. Видит, что что-то не так.

– Хочешь зайти ко мне? – спрашивает она. – Мама сегодня будет поздно.

Я киваю, и мы сворачиваем на ее улицу.

– Ладно, краситься в синий я не буду, – подруга улыбается, – но стану носить линзы. Я уже папу уломала. На следующей неделе идем к окулисту.

– Здорово, – отвечаю я, а сама поправляю очки на переносице.

По пути к Маре мы проходим мимо *его* дома. Дома Кевина. Сейчас его там нет, но это неважно. Когда мы подходим ближе, чувствую, что у меня подкашиваются ноги. Я вдруг начинаю ненавидеть свой район, презирать его; мне становится противно, что все мы так близко друг к другу и наши жизни так плотно переплетены.

Мы приближаемся к дому Кевина, и я вижу Аманду. *Его* сестру. Мне всегда казалось, что она намного моложе меня: я воспринимала ее как маленькую девочку. Но сейчас смотрю на нее и понимаю, что не такая уж она и маленькая. Она всего на класс нас младше. В детстве мы много играли, а потом, в шестом классе, к нам переехала Мара и стала моей лучшей подругой вместо нее. Рядом с Амандой ее младшая сестренка и еще какой-то малыш, наверное, соседский: укутанные в комбинезоны, они барахтаются в снегу. Кажется, они хотят

построить снеговика, но выходит лишь большая холодная белая глыба. Аманда подходит и надевает на него шарф, отделяя верхнюю глыбу от нижней. Малыши кричат и кидаются снежками.

Детишки не обращают на нас внимания, но Аманда нас замечает. Завязав шарф двойным узлом, она засовывает руки в карманы пальто, стоит и смотрит. И ничего не говорит. Это странно. Хотя мы с ней больше не закадычные подруги, как раньше, мы по-прежнему общаемся и с радостью проводим время вместе, когда наши семьи встречаются.

Но сейчас я тоже молчу. Тогда на помощь приходит Мара:

– Привет, Мэнди!

Мэнди. Так мы ее называли, когда Армстронги только переехали на соседнюю улицу. Однако прозвище не прижилось. Хотя, когда мы познакомились, именно так нам ее представили. Это произошло на праздновании моего восьмилетия. Именно тогда наши семьи начали отмечать все праздники вместе, потому что Кевин и Кейлин с первого дня знакомства стали неразлучны. Кевин всегда участвовал во всех наших праздниках, и, конечно, приглашали и его семью. Сейчас мне кажется, что с тех пор прошло сто лет.

– Привет, Аманда. – Я пытаюсь улыбнуться.

Скрестив руки на груди, она выпрямляется.

– Привет, – наконец отвечает она странным монотонным голосом.

– Как прошло Рождество? – Пытаюсь делать вид, что все нормально, но могу думать лишь о Кевине.

Она пожимает плечами и пристально смотрит на меня. Секунды тикают.

Раньше я никогда не придавала значения тому, что, когда Армстронги переехали в наш город, они не просто поменяли место жительства. Не просто переехали, а уехали *от чего-то* или *от кого-то*. Там, где они жили раньше, случилось что-то плохое. Однажды я слышала, как миссис Армстронг рассказывает об этом моей маме. Она плакала. А потом я подслушала мамин с папой разговор. Многого я не поняла, но, кажется, дело касалось Кевина и его дяди, брата мистера Армстронга.

– Знаешь, – я поворачиваюсь к Маре, – пойду-ка я лучше домой. Что-то я неважно себя чувствую.

– Серьезно? Что с тобой? – с искренним беспокойством спрашивает Мара.

– Ничего. Я просто... – Я не договариваю и начинаю пятиться. Лишь один раз я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на них, и вижу, что они стоят и смотрят мне вслед.

Мара поднимает руку, чтобы помахать мне на прощание, и кричит:

– Я тебе позвоню!

Завернув за угол, я пускаюсь бежать. С каждым шагом кровь в голове пульсирует все сильнее; тело покрывается холодным потом. Уже на пороге тошнота становится настолько нестерпимой, что я начинаю плакать. Бегу в ванную, падаю на колени перед унитазом и ловлю воздух ртом.

После бросаюсь на диван, даже не сняв куртку.

Закрываю глаза.

Следующее, что я помню – мама склоняется надо мной и трогает мой лоб.

– Заболела? – спрашивает папа, бросая ключи на кухонный стол.

– Иди? – Холодная мамина рука на моей щеке кажется такой приятной. – Что с тобой? Заболела?

– Наверное, – бормочу я.

– Давай снимем куртку. – Поддерживая меня рукой за спину, она помогает мне сесть. А мне больше всего на свете хочется, чтобы она меня просто обняла. Но вместо этого она стягивает с меня рукава.

- Меня вырвало, – говорю я.
- Съела что-то не то?
- Нет.

Я сегодня вообще ничего не ела. В обеденный перерыв все мои мысли были заняты новеньким, Камероном, и к своему бутерброду с арахисовым маслом и джемом я даже не притронулась.

– Бедная моя малышка. – Мама встает и смотрит на меня: кажется, ей действительно меня жаль. – Давай сделаем так: ты переоденешься в пижаму, а я сварю тебе суп. Договорились?

- Ладно, – отвечаю я.

Поднимаюсь в свою комнату переодеться, стараюсь не смотреть на побледневшие сероватые синяки, которыми все еще покрыты мои бедра. Не задерживать взгляд на кровоподтеках на ребрах и тазовых костях. Все равно их скоро не будет. Надеваю пижамные штаны и застегиваю фланелевую рубашку на все пуговицы, чтобы скрыть синяки на ключицах. Их еще видно.

- Куриную лапшу будешь?! – кричит мама с кухни. Я сажусь за стол.

Не успеваю я ответить, как она ставит передо мной кружку горячего чая.

Супа мне совсем не хочется – ни лапшу, ни чего-либо другого. Но мама так улыбается – с такой улыбкой она всегда суежилась вокруг Кейлина. Наверное, ей приятно, что все же есть о ком позаботиться. Наверное, она рада, что может сделать для меня что-то существенное.

- Пусть будет куриная лапша, – киваю я, хотя желудок протестует.
- Хорошо. Пей. – Мама показывает на чай.

Я опускаю голову.

Папа садится напротив, складывает ладони домиком и произносит:

- Хм. Наверное, какая-то инфекция гуляет.

Ах, если бы я могла болеть все время. Когда болеешь, все кажется чуть более нормальным.

Через неделю мы снова садимся за стол в дальнем углу библиотеки и достаем пакеты с бутербродами. Мара усаживается не рядом со мной, как в прошлый раз, а рядом с Камероном. Тот случайно задевает ее рукой, и она придвигается к нему чуть ближе. Я вижу, что он на нее совсем не запал. Меня это почему-то радует.

– Итак, в обеденном книжном клубе у нас демократия, – заявляет мисс Салливан и придвигает к столу тележку с книгами. – Я подобрала книги; все есть в библиотеке минимум в шести экземплярах. Предлагаю каждому выбрать одну, которую он бы хотел прочитать, а потом проголосуем. Что скажете?

Мы киваем, подходим, смотрим и выбираем. Наконец, взяв по одной, возвращаемся на место.

Камерон смотрит, что выбрала я.

- «Дневник Анны Франк»? Отличный выбор.

– Знаю. Не зря же я ее выбрала.

Смотрю на его книгу: «О дивный новый мир».

- Моя любимая книга, – объясняет парень.

– Я не читала, – говорит Мара.

– О, книга просто отличная! Ее герой... – Он начинает рассказывать и придвигается к ней ближе.

Все слушают, а мне хочется ударить его книгой по башке. Опять он перетягивает все внимание на себя! Это мой книжный клуб!

– Тогда, может быть, начнем с нее? – предлагает мисс Салливан. – Кто хочет обсудить «О дивный новый мир»?

Я не поднимаю руку. Но остальные тянут руки вверх. И ждут, что я сделаю то же самое – мол, может, я просто не поняла, какая это крутая книга, может, не слушала Камерона?

– Я накладываю вето. – Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закричать.

– Почему? – спрашивает Камерон. Кажется, я слышу в его голосе усмешку.

Я заливаюсь краской. Открываю рот, но не знаю, что сказать.

– Потому что... – запинаясь я, – ...потому что все знают, что «О дивный новый мир» входит в программу старших классов. Значит, мы и так его читаем.

– Точно, – тихо соглашается Стивен и опускает руку.

Мне хочется дать ему пять, но я просто улыбаюсь. Он смущенно улыбается в ответ, опускает голову и начинает разглядывать свой знаменитый бутерброд с колбасой, теребя край салфетки.

– И что такого? А «Дневник Анны Франк» нам задавали на лето, – встревает Мара. Я ушам своим не верю – она поддерживает этого выскочку!

– Вот именно, в чем разница? – поддакивает Камерон. Да эти двое ополчились против меня!

– «Дневник» задавали на лето. – Я пытаюсь придумать какую-либо иную причину, кроме «я тебя ненавижу и не могу позволить, чтобы ты выиграл». – Но разница в том, что мы не обсуждали его в классе. А надо бы.

– Но «Дивный новый мир» мы вообще еще не читали, – вмешивается мисс Жующая Волосы. – И если читаем сейчас, то заранее подготовимся к выпускному классу.

– Точно, – соглашается мисс Католическая Школа.

– Мне кажется, это идиотизм. – Слова сами срываются с языка, как будто ругаться для меня – обычное дело. Я закрываю рот, но уже слишком поздно.

У Мары отвисает челюсть – она поверить не может, что я могла такое сказать. А потом недовольно морщится, и лицо у нее становится точь-в-точь как у ее матери. Мне и самой не верится, что я это сказала.

– Ладно, ребята, что вы так всполошились, – вмешивается мисс Салливан. – Большинство высказались за. Так что начнем с Олдоса Хаксли. «О дивный новый мир». – Она ласково треплет меня за плечо и добавляет: – Тебе понравится, Иден, вот увидишь.

Все смотрят на меня как на законченную кретинку.

Когда мы выходим из библиотеки, Мара тяжело вздыхает.

Я смотрю на нее, а она – на меня.

– Мара, я знаю... не понимаю, что на меня нашло, – признаюсь я. – Я вела себя ужасно, да? – шепчу я.

– Да, – поморщившись, отвечает подруга. – С тобой все в порядке?

Я киваю.

– Может, ты еще не выздоровела? Ведешь себя очень странно.

– Может быть.

Мы шагаем к шкафчикам в тревожном молчании.

– А давай в эти выходные сходим куда-нибудь? – наконец предлагаю я и добавляю: – Мы с тобой вдвоем. – Мне нужно рассказать ей, что произошло. Рассказать про Кевина. Я должна признаться хоть кому-то. И чем скорее, тем лучше. А то я просто взорвусь.

– Не могу. В выходные меня папа забирает. Забыла, что ли? Мы пойдем за линзами.

Значит, придется подождать.

На следующий день после уроков коридоры быстро заполняются толпой школьников – всем не терпится смыться домой. Я иду на репетицию оркестра, Мара шагает рядом и раз-

говаривает за двоих – заполняет мои паузы. А я словно перенеслась в другое место, ускользнула в параллельную реальность. В мир, который во многом похож на настоящий, но все в нем происходит немного медленнее. В этой альтернативной реальности я не присутствую в своем теле, не присутствую в своих мыслях; я могу думать лишь об одном. Лишь об одном.

– В черный, – решительно объявляет Мара. – Или нет – в рыжий. Не знаю. Как думаешь? – спрашивает она и подносит к лицу прядь своих каштановых волос. – Наверное, в черный. Все, решено, – отвечает подруга сама себе. – Мама с ума сойдет, – продолжает она, как будто я завела эту тему. – Но мне все равно. Так хочется что-то поменять!

– А линз тебе мало? – спрашиваю я, но за криками и лязгом шкафчиков она меня не слышит. А может, я просто слишком тихо говорю.

– Кстати, я тебе говорила, что в выходные папа хочет познакомить меня со своей новой пассией? – Мара сообщает об этом так, как будто только что вспомнила, а не повторяет уже двадцатый раз. – Представь, а? – Слово «пассия» она произносит таким тоном, словно речь идет о фантастическом существе вроде единорога или дракона.

Я понимаю, что Маре нелегко. Ее родители разводятся, отец переехал на новую квартиру, а мама ведет себя еще безумнее обычного. Теперь еще эта «пассия». Я знаю, что должна хотя бы попытаться вести себя как лучшая подруга, какой была всего месяц назад, и качаю головой, притворяясь, что в шоке.

– Иди, – говорит Мара, – хочешь, сегодня после школы пойдем ко мне?

Мне удастся выдавить из себя улыбку. Но больше ничего.

– Поможешь мне выбрать цвет. И тебе волосы покрасим! – загорается она.

Я пожимаю плечами. Мы идем в класс, и я пытаюсь держаться как можно ближе к стене. В последнее время у меня такое ощущение, как будто меня вывернули наизнанку – физически и морально. Как будто все, что у меня внутри, обнажено и на виду, и даже случайное прикосновение причиняет боль. Прижимаю к груди футляр с кларнетом, как оружие, как броню. Сжимаюсь в комок.

И в этот момент вижу его – он бежит по коридору нам навстречу. На его дурацкой спортивной куртке написано «12». У меня в животе возникает знакомое тревожное чувство, когда я смотрю, как он набирает скорость, лавируя в толпе, как будто бежит не по школьному коридору, а по баскетбольной площадке во время матча. Кто-то выкрикивает его имя, кричит, что он опаздывает и тренер заставит его бегать кругами. Парень оборачивается, смеется и что-то кричит в ответ. Я вижу, что он не смотрит вперед, что мы сейчас столкнемся. Открываю рот, но не могу проронить ни звука.

И вижу, как все происходит, еще до того, как это происходит.

А потом он врывается в меня. Бабах! – рон налетает на меня, я ударяюсь плечом о стену, футляр с кларнетом впивается в живот так сильно, что я складываюсь пополам. Меня вышвыривает обратно в реальный мир. Время ускоряется, мозг и тело мгновенно испытывают перегрузку. Согнувшись в три погибели, я смотрю на свои грязные кроссовки из дешевого гипермаркета. Живот болит, как будто меня пронзили ножом.

Двенадцатый номер хватается меня за руку. Его пальцы будто прожигают дыры в моей рубашке. И где в голове глухо раздается его голос:

– О черт, черт... прости... ты не ушиблась?

Но я почти не слышу его, потому что в голове крутится лишь одно: *умри, ублюдок, чертов козел, чтоб ты сдох; умри, умри, умри!*

Я не знаю, что делать – ведь не может быть, чтобы такие мысли возникли в моей голове. Как их объяснить? Слова уже вертятся на языке, я готова их прокричать. А я никогда не говорила вслух ничего подобного, не думала так о другом человеке – но вот же, слова тут как тут. Мало того, мне кажется, что в данный момент это единственные слова родного языка,

которые я знаю; весь мой словарный запас вдруг уменьшается до бесконечного потока ругательств и оскорблений.

Парень стоит передо мной, а я перед ним, схватившись за живот. Он смотрит не на меня, а на мою одежду, очки и дурацкую прическу.

– Прости, – повторяет он. Я по-прежнему молчу, и он продолжает: – Я тебя не заметил. – Парень так отчетливо выговаривает слова, будто думает, что я глухая.

Он снова повторяет эти четыре слова: «Я. Тебя. Не. Видел». И каждое, как спичка, чиркающая по тонкой шероховатой полоске серы на спичечном коробке. Раз, два, три, четыре. Не вспыхнуло.

Пусть скажет еще хоть слово.

– Ты в порядке?

И тут я вспыхиваю. О боже, я горю.

Это что-то новенькое. Это чувство. Не злость, не грусть, не стыд. Оно сжигает все внутри – мысли, память, все чувства до единого, – и заполняет собой образовавшуюся пустоту.

Ярость. Я становлюсь воплощением абсолютной, чистейшей ярости.

Я смотрю, как парень поднимает с пола мой кларнет. Протягивает его мне. Я беру его дрожащими руками и осторожно прижимаю к себе, но на этот раз по другой причине. Ведь каждая клеточка моего тела и мозга мечтает ударить его этим кларнетом; бить, бить, бить его жестким пластиковым футляром.

– Кажется, она ударилась. – Это голос Мары. – А ты бы смотрел, куда бежишь! – И она снова обращается ко мне: – Ты как, Иди?

Но я не могу ответить: в голове раз за разом прокручивается кровавая картина убиения несчастного баскетболиста. И это пугает меня до чертиков. Потому что у меня не должны возникать такие мысли. Я не такая! Но что-то варварское, что-то животное охватило меня и кипит под кожей, в костях и в крови.

Я заставляю ноги идти. Боюсь, что если не сдвинусь с места, то сделаю что-то безумное, что-то очень плохое, а если открою рот, скажу эти ужасные слова. Проходит секунда, я слышу его удаляющиеся шаги и говорю себе: пусть бежит, правильно; они все должны бежать от меня, потому что я опасна. Опасна для их жизни.

Меня догоняет Мара и произносит лишь одно слово, ярко характеризующее ситуацию: «козел». Потом смотрит через плечо и добавляет:

– Хотя я была бы не прочь, если бы он в меня врезался. Несильно, конечно. Ну, это я так.

Я смотрю на нее, и уголки губ сами ползут вверх. Это почти больно – но боль другая, не та, что пронизывает живот. Я как будто улыбаюсь впервые в жизни. Мара смеется и кладет руку мне на плечо.

– Ты правда в порядке? – спрашивает она. И я киваю, хотя не уверена, что это так. Что я когда-нибудь снова буду в порядке.

– Пора, – объявляет Мара. Мы сидим в ее комнате на полу. Я только что вырезала из ее волос большой комочек розовой жвачки, который кто-то приклеил ей на голову в школе. Он так застыл, что арахисовое масло и аккуратное вычесывание уже не могли помочь.

Мы продолжаем спор, начавшийся еще несколько месяцев назад.

– Так значит, рыжий. – Между нами стоит коробка с краской для волос. Я ничего не сказала, когда Мара бросила ходить на репетиции и принялась таскать сигареты из сумки своей матери, но сейчас надо высказаться, иначе будет слишком поздно. – Ты отдаешь себе отчет, что этот цвет вообще-то красный? – Я смотрю на модель, изображенную на коробке.

– Клюквенный, – уточняет подруга, вцепившись в коробку обеими руками и разглядывая картинку. – А может еще и коротко постричься, как она? Длинные волосы уже в печенках сидят. Они как приглашение: «киньте в меня жвачкой или чем-нибудь»!

И правда: сколько Мару помню, у нее всегда одна и та же прическа – длинные каштановые волосы до лопаток.

– А это обязательно делать сейчас? – Я пытаюсь поколебать ее решимость. – Может, подождешь всего три недели, и тогда будет уже лето. Если ничего не получится, ты успеешь...

– Нет, – решительно обрывает меня она. – Именно поэтому нужно сделать это сейчас. Не стану я терпеть это еще один год! Или три недели. И даже один день! – Мара почти кричит.

– Но что, если...

– Иди, хватит. Ты вроде пришла помогать.

– Я и помогаю. Просто... по-твоему, если покрасить волосы, что-то изменится?

– Да. Я изменюсь. – Подруга срывает крышку и достает содержимое коробки.

– Но почему именно сегодня? Что-то случилось? Кроме жвачки. – Я задаю вопрос, который сама хочу услышать от кого-нибудь уже несколько месяцев.

– А что еще должно случиться? Сколько лет я это терплю, изо дня в день – идиотские клички, жвачку в волосах, надпись «неудачница» на спине? Всему есть предел, – произносит Мара срывающимся голосом, пытаюсь сдержать слезы.

– Понимаю. – Я действительно понимаю. И она понимает. Это надо сделать, и я знаю почему.

– Так давай. – И она протягивает мне ножницы.

И я, как полагается верной подруге, беру ножницы из ее рук.

– Ты же в курсе, что я не умею стричь? – замечаю я, а первые пряди волос уже падают на пол.

– Ничего, я тебе доверяю. – Мара закрывает глаза.

– Неправда, – смеюсь я.

Она улыбается.

– Можно вопрос? Только обещай не сердиться, – спрашиваю я.

Мара открывает глаза.

– Ведь это не из-за Камерона? Потому что если да, ты должна понравиться ему такой, какая есть. Если ты делаешь это, чтобы привлечь его внимание, чтобы показаться круче, чем на самом деле, это не...

Она меня останавливает.

– Нет, Иди, нет. – Мара спокойна и совсем не сердится. – Ты права, он мне нравится, – тихо объясняет она. – Но я не пытаюсь стать «крутой», как он. Я просто хочу быть собой. Такой, какая я на самом деле. Если понимаешь, о чем я, – она смеется.

Мне ни к чему объяснять – я отлично знаю, что она имеет в виду.

– Я все понимаю, Мара.

– Отлично. – И подруга снова закрывает глаза, как будто мои манипуляции с ее волосами – самая расслабляющая процедура на свете. Какое-то время мы обе молчим.

– А можно еще вопрос? – спрашиваю я, нарушив тишину.

– Да.

– Ты ведь не вернешься в оркестр?

– Нет.

– Я так и думала.

Она поворачивается и смотрит на меня.

– Извини, Иди. Просто это не мое. Теперь у меня другие интересы.

– Ничего. Я просто скучаю по своему партнеру. – Я пытаюсь отшутиться, но на самом деле мне очень грустно. – И наверняка меня посадят с той девчонкой, у которой подмышки воняют. И играет она невпопад. – Я начинаю смешивать краску.

Мара смеется.

– Прости. А ты просто задержи дыхание!

– Но я должна дышать, чтобы играть!

– Верно, – соглашается она с улыбкой.

Я намазываю ее волосы краской, разделяя их на участки. Стараюсь делать все как можно аккуратнее.

– А что это за другие интересы у тебя, если не секрет?

– Даже не знаю. Хочу в следующем году пойти на курсы живописи. Знаю, что ты сейчас скажешь, но это не из-за Камерона. Просто после того, как мы подружались, я поняла, что хочу попробовать что-то новое.

А я и не знала, что Мара интересуется живописью.

– Ммм... здорово. – Я говорю искренне. Меня, например, ничего больше не интересует.

– Ну, как я выгляжу? Круто? – спрашивает она, когда я заканчиваю. Подруга стоит перед зеркалом и бросает на себя соблазнительные взгляды.

Я смотрю на ее отражение.

– Ты стала совсем другой, – признаюсь я. Меня охватывает восхищение и зависть.

Мара подходит к окну и слегка приоткрывает его. Затем из ящика стола достает шка-тулку со стразами, откуда вынимает сигареты и зажигалку и, пристально глядя на свое отражение, подносит сигарету к губам.

– Я реальная красотка, да? – спрашивает она. – Настоящая крутая стерва, – медленно выговаривает подруга и улыбается идеально ровными зубами.

– Хочешь быть стервой? – Я смеюсь.

– Не знаю. Возможно. Почему бы и нет? – Мара пожимает плечами. – Я ищу себя. Всем можно меняться, почему мне нельзя? – Под «всеми» она имеет в виду своих родителей, которые, передумав жить вместе, изменили и свою жизнь, и ее.

– Наверное, ты права. – У меня не получается ей возражать, ведь, если честно, мне тоже хочется измениться. Правда, я не знаю, какой хочу стать.

– Мне плевать, что обо мне подумают. Плавное, чтобы все поняли – я не собираюсь больше терпеть их издевательства! – Мара выпускает облако дыма. – Надоело, что все меня шпыняют и обращаются со мной как с полным дерьмом! А тебе разве нет?

Она переводит взгляд на меня. А я не могу лгать. Но и признать всю правду тоже не могу. Поэтому молчу. Я подхожу к ней и достаю сигарету из пачки. Зажимаю ее губами. Мара ничего не говорит, лишь хитро улыбается и подносит мне зажигалку. Я затягиваюсь и захожусь кашлем, когда отвратительный табачный дым проникает в легкие. Мы смеемся, я кашляю и ловлю воздух ртом.

– Вот гадость! – Я кашляю и давлюсь дымом. Но все равно затягиваюсь еще раз.

– Глубоко не вдыхай, – смеется Мара.

Я не вдыхаю и на этот раз не закашливаюсь. Мара смотрит на меня, и меня вдруг осе-няет: может, у меня тоже получится измениться? Измениться так, чтобы не быть себе про-тивной. Я снимаю очки, затягиваюсь и поворачиваюсь к Маре.

– Как думаешь, может, и мне перейти на линзы?

– Конечно! – Зажав сигарету губами, она тянется ко мне и убирает мои волосы назад. – Тебе пойдет, – шепелявит она с сигаретой в зубах.

– Правда? – спрашиваю я и не до конца понимаю, что мне пойдет. Если я начну убирать волосы? Или носить линзы? Или и то и другое?

– Ты была бы такой крутой штучкой, если бы перестала прятаться. Красоткой.

– Ты правда так считаешь?

– Да, Иди. Уверена.

Я снова улыбаюсь, чувствую действие никотина и представляю, как все будет. Сколько всего я смогу сделать.

Мы так долго ждали лета, а теперь оно пришло и проносится мимо. Я целыми днями думаю о том, что сказала Мара. Что я прячусь и если бы перестала прятаться, то стала бы настоящей красоткой. Все лето я только и думаю о том, как перестать прятаться, если ты привыкла заниматься этим всю жизнь. Кейлин на каникулы не приехал – записался на дополнительные летние курсы. Я решила, что так даже лучше. Нет Кейлина – нет и Кевина.

– Мам, – говорю я своим «голосом хорошей девочки», – я вот что хотела спросить...

– Угу? – бормочет она, не отрываясь от объявлений о распродажах. Она еще не выпила свой утренний кофе.

– Что тебе нужно и сколько это стоит? – в разговор вмешивается папа.

– Что ты хочешь? – Мама наконец поворачивается ко мне.

Я медленно снимаю очки.

– Мам, тебе не кажется, что без очков я буду симпатичнее?

– Ты и так симпатичная. – Она снова утыкается в газету. Видимо, мой подход не сработал.

– Через три недели начнутся занятия, и я подумала... вот Маре в том году подобрали линзы, и она... то есть.

– Не ходи вокруг да около, Минни-мышка, говори, в чем дело, – свободной от кофе рукой папа показывает, чтобы я не тянула.

– Ладно. Я вот что подумала – может, мне тоже перейти на линзы?

Родители обмениваются взглядом, видимо, означаящим: ну почему она не оставит нас в покое?

– Они ненамного дороже очков, – добавляю я.

– Даже не знаю, Иди, – говорит мама и морщит нос. Ей не хочется меня разочаровывать – ведь я всегда была паинькой, с этим не поспоришь. Не считая того, что я теперь каждый день стреляю у Мары сигаретки и трачу на шмотки и косметику все деньги, которые мне дают на канцелярские принадлежности. В остальном я, как и раньше, паинька.

– Пожалуйста. Я вас очень прошу. В очках я похожа на ботанку. На неудачницу. На зануду из школьного оркестра!

– Но ты ведь играешь в оркестре, – с улыбкой замечает папа. Он, конечно же, ничего не понимает.

– Но я не хочу *выглядеть* занудой из оркестра.

– Кажется, я понимаю. – Папа закатывает глаза, а мама усмехается. Он снисходительно качает головой, как всегда, когда кто-то, по его мнению, ведет себя по-идиотски.

– Мам?

Она дает свой фирменный ответ на все вопросы:

– Посмотрим.

– Значит, нет? – уточняю я.

– Я же сказала – посмотрим, – сердито отвечает мама.

– Да, но это же значит нет? Это так несправедливо! Кейлину вы что угодно покупаете, а я прошу одну вещь, одну простую вещь, и вы сразу отказываете!

– Кейлину купили много всего, когда он уехал в колледж, – возражает папа, произнося «уехал в колледж» так, будто Кейлин уехал лечиться в лепрозорий. – Ему нужны были новые вещи. А линзы тебе не нужны. Ты хочешь их носить, но это не предмет первой необходимости.

– Неправда! Мне они нужны! – Я вот-вот расплачусь. – И чтобы вы знали, – срывающимся голосом продолжаю я, – даже если вы не купите мне линзы, очки я больше носить не буду! – Швырнув очки на стол, я убегаю к себе.

– Вот надо было прямо с утра испортить всем настроение, – говорит мама, прежде чем я хлопаю дверью.

– Господи... истеричка... мы ее избаловали, – доносятся до меня обрывки папиных фраз.

Избаловали? Меня избаловали? Да я в жизни у них ничего не просила! Я не просила даже их внимания. Ну все. Это последняя капля! Я открываю дверь, возвращаюсь на кухню и встаю, вцепившись в стол обеими руками. Мне все равно, какие слова сейчас вылетят у меня изо рта: в кои-то веки у меня нет плана.

– Ненавижу вас обоих! – рычу я сквозь зубы. – И мне жаль, что я не Кейлин! И не Кевин! Простите, что теперь вынуждены довольствоваться моей компанией! Но и мне, знаете ли, деваться некуда! – Слова слетают с языка; они все громче и громче.

Родители ошарашены. Они в шоке. Я же никогда в жизни даже не посмотрела на них сердито.

Мама роняет газету на стол, лишившись дара речи.

– Да как ты смеешь разговаривать с нами в таком тоне! Чтобы я подобного больше не слышал! – Папа встает и тычет пальцем мне в лицо. – Поняла? Иди в свою комнату!

– Нет! – выкрикиваю я во всю глотку. Голосовые связки тут же начинают болеть – я еще никогда не кричала так громко.

– Сейчас же! – приказывает он и делает шаг мне навстречу.

Я в гневе убегаю, топая так, будто к ногам привязаны кирпичи. Как можно сильнее хлопнув дверью, прислоняюсь к ней ухом и слушаю. Грудь лихорадочно вздымается.

– Боже, Коннер, – тихо, почти шепотом произносит мама, – нужно что-то делать. Это безумие какое-то. Что нам делать?

– Ванесса, это все гормоны. Она же подросток. Все они одинаковые. Мы в ее возрасте вели себя так же. – Папа пытается ее успокоить.

– Я никогда не говорила родителям, что ненавижу их, – возражает мама.

– Да брось. Наверняка говорила. И я говорил. И Кейлин – неужели не помнишь? Но это же просто сгоряча.

А вот и нет. Я не сгоряча, я правда их ненавижу. Ну, может быть, чуть-чуть. Потому что позволила им помыкать собой, как и всем остальным. Из-за них я стала той, кто не может постоять за себя, из-за них я не чувствую себя хозяйкой своей жизни и своего тела. Я делаю все, что мне велят. Почему они не научили меня защищаться?

Хотя они не знают, что случилось, что он сделал со мной, они *помогли* этому случиться. В некотором смысле дозволили это. Они разрешили ему находиться в нашем доме и заставили меня поверить, что кто угодно, только не я сама, знает, что для меня лучше. Вот за что я ненавижу их. И Кейлина. А Кейлина еще и за то, что он больше предан Кевину, чем мне. Я это знаю. Все знают. И Кевин особенно.

А Мара? Вот что она за подруга, раз не выудила из меня, что со мной происходит? Почему после стольких лет нашей дружбы я не могу обо всем ей рассказать? Почему мне кажется, что даже она мне не поверит, а если и поверит, то решит, что я сама виновата? Почему, когда мы вместе, я иногда чувствую себя самым одиноким человеком в мире? Почему мне порой кажется, что нет никого, кто понимал бы меня хоть самую малость, хоть чуть?

Почему мне кажется, что... боже, как неприятно это признавать – что единственный человек во всем свете, который действительно знает меня, понимает, какая я на самом деле, это Кевин? Это же ненормально. Совсем ненормально. За такие мысли меня в психушку

нужно запереть. Но ведь это так – он один знает правду. Не только правду о том, что случилось, но и правду обо мне, о том, что я из себя представляю. Из какого я теста. И это дает ему власть надо всем в этом мире.

Но больше всего я ненавижу себя. Действия или бездействие окружающих – это одно, но я сама позволила им так с собой обращаться. Это я лгунья, трусиха, которая не может перестать притворяться, потому что боится.

Линзы – это все ерунда. Кларнет, клуб защитников окружающей среды, будущие бизнес-лидеры Америки, французский клуб, обеденный книжный клуб, клуб любителей физики, участие в школьном ежегоднике – все то, чем я больше не хочу заниматься, что мысленно вычеркнула из списка занятий, в которых хочу участвовать, тоже неважно. На кону моя жизнь, мое «я», мой здравый смысл. Вот что поставлено на карту.

Позже вечером я выхожу из комнаты и делаю над собой усилие, чтобы не начать перед ними извиняться. Ведь мне так этого хочется, я, как всегда, мечтаю заслужить их одобрение. Но я должна научиться постоять за себя. И это начнется здесь, потому что здесь меня лишили этой способности.

На следующей неделе мне покупают линзы. Первая маленькая победа в битве за возвращение контроля над своей жизнью. Прощай, Мышка Минни. Прощай, притворство. Прощайте, детские игры.

Часть вторая

Старшая школа. Год второй

Как это, оказывается, легко – полностью преобразиться. Я ношу линзы. У меня новая одежда, выбранная без маминой помощи. Я наконец-то поняла, что делать с волосами – после четырнадцати лет растрепанных кудрей и ободков. Отрастила челку, прекратив то отрезать ее, то закалывать, как делала это много лет. Проколола уши в торговом центре, когда мы ходили за покупками к новому учебному году, и вставила маленькие сережки с драгоценными камнями и еле заметным деликатным блеском. Мара первой проколола вторые дырки, чтобы я не боялась.

Я стала краситься, но чуть-чуть. Немного. Блеск, тушь для ресниц. Я выгляжу не вульгарно, а довольно мило. Обычно. В нормальных модных джинсах, которые на мне отлично сидят. В простой футболке и кардигане, не скрывающем округлостей фигуры, появившихся у меня в это лето. Теперь я похожа на человека, способного принимать самостоятельные решения, и больше не похожа на ребенка. Я выгляжу как обычная десятиклассница. Как та, кому больше не надо прятаться.

Я надеваю новые сандалии на босу ногу и выхожу из дома.

– Боже мой! – восклицает мама и хватается за руку уже на пороге. – Какая же ты стала красавица, просто не могу поверить, – она держит меня за плечи, вытянув руки.

– Не можешь?

– Нет! Что-то в тебе изменилось. Ты стала такой... уверенной. – Она оглядывает меня с улыбкой. – Удачи в первый учебный день!

Мара должна приехать с Камероном: к концу лета они снова начали вместе тусоваться. Жду ее на ступеньках школы. Люди проходят мимо и смотрят на меня. Это непривычно. Раньше я всегда была невидимкой. И на меня никогда не смотрели как на обычного человека. В качестве эксперимента тестирую на незнакомой девчонке свою новую улыбку. Та не только улыбается в ответ, но и говорит «привет».

Вижу еще одну девочку, которая поднимается по лестнице одна, и уже собираюсь протестировать и на ней свою улыбку, но вздрагиваю и останавливаюсь. Она смотрит на меня в упор, темные, почти черные глаза буравят меня, теплая, золотистая кожа загорела, утреннее солнце играет в черных волосах.

– Аманда, привет, – говорю я, ошарашенная этой встречей. Ее присутствие оставляет тяжелое и горячее чувство в животе – накатывают воспоминания прошлого, память о том, как мы вместе росли, о ней и Кевине, о Кевине, Кевине, Кевине.

Стоп, приказываю я себе.

Совсем остановиться не получается, но мысли замедляются, и я снова пытаюсь улыбнуться. Ведь все это в прошлом. Мне больше не нужно думать об этом никогда. И Аманда тут ни при чем.

– Забыла, что с этого года ты будешь учиться с нами.

Она подходит ближе – так близко, что мне хочется пятиться. А потом тихо, но решительно произносит:

– Ты не должна разговаривать со мной.

– Да нет же, я хочу...

– Никогда. – Она даже не дает мне договорить.

– Я не... я не понимаю.

Она качает головой, словно я не замечаю чего-то, что у меня перед носом, затем холодно улыбается и проходит мимо. Я поворачиваюсь и смотрю ей вслед, не веря своим глазам. Но не успеваю начать переживать, так как в этот же момент вижу Мару.

– Привет, подружка! – кричит она. Камерон идет вслед за ней. Она целует меня в щеку и шепчет на ухо: – Выглядишь по-тряс-но. Правда.

– Привет, Иди, – бросает Камерон, но смотрит куда-то мимо меня.

– Привет, – бормочу я в ответ.

Мара хмурится, но она уже привыкла. Мы с Камероном никогда не будем друзьями.

– Ну что, готова? – Она вся сияет от волнения. Короткие клюквенно-красные волосы идеально оттеняют ее черты.

Я делаю глубокий вдох. Выдох. И киваю.

– Так сделаем это, – произносит она и берет меня под руку.

После общего собрания у нас тригонометрия, и мне уже хочется кричать. Потом биология. Стивен Райнхайзер в моей группе. Чувствую на себе его взгляд – он смотрит на меня через стекла своих очков. У него новая стрижка, новая одежда, он старается изо всех сил, выгибает шею, словно умоляя меня взглянуть на него, когда придет время выбирать партнеров для лабораторной. Я же быстро поворачиваюсь к девчонке, что сидит рядом, и улыбаюсь, как бы говоря: смотри, я дружелюбная, нормальная и неглупая – я стану отличным напарником! Она улыбается. Мы обмениваемся кивками – мол, договорились. Еще не хватало в этом году взваливать на себя очередной доклад на пару со Стивеном Райнхайзером. Меньше всего в моей новой жизни мне нужен Стивен Райнхайзер. Сразу после звонка срываюсь с места, потому что знаю: ему не терпится поздороваться со мной и расспросить, как я провела лето.

Я выхожу в коридор и спешу в свою новую группу самостоятельных занятий. Раньше я никогда не ходила на самостоятельные занятия: у меня был оркестр. Уроки, практика, репетиции. И никакого свободного времени. Шагая по коридору, я улыбаюсь незнакомым людям, и почти все улыбаются в ответ. Я даже замечаю, как кое-кто из парней улыбается мне первым. Нет, в этом году мне определенно не нужен балласт в виде Стивена Райнхайзера.

Я парю как на крыльях, и тут слышу, как кто-то зовет меня по имени. Я останавливаюсь и оборачиваюсь. Это мистер Краузе, дирижер школьного оркестра. Я возвращаюсь с небес на землю.

– Иди, как хорошо, что я тебя встретил. Я удивился, не увидев твоего имени в списке музыкантов в этом году. Что случилось? – спрашивает он и выглядит почти обиженным, что я его бросила.

– Да, это... я просто... – Я пытаюсь подобрать слова. – Я уже давно играю в оркестре. А в этом году решила попробовать что-нибудь новенькое. Расширить круг интересов, – отвечаю я. Но он по-прежнему смотрит на меня, как будто не понимает. Тогда я тестирую на нем свою новую улыбку. Неожиданно его лицо смягчается.

Педагог кивает.

– Что ж, тебя можно понять. – В тот момент звонит второй звонок. Я открываю рот, чтобы сказать, что опаздываю, но он меня опережает. – Не волнуйся, я подпишу твой пропуск. – Он ставит свою подпись на мой школьный пропуск и говорит: – Нам будет тебя не хватать. Если захочешь вернуться – мы всегда рады.

– Спасибо, мистер Краузе. – Я снова улыбаюсь.

Он улыбается в ответ.

Так вот как, значит, в мире все устроено! Поверить не могу, что поняла это только сейчас. По пути в класс думаю о том, догадываются ли об этом другие. Все очень просто. Нужно просто вести себя так, будто ты нормальная и с тобой все в порядке! И окружающие верят тебе и воспринимают тебя такой.

С опозданием захожу в новый класс. Ученики тихо переговариваются. Это хорошо. Никогда не могла учиться в полной тишине. Я подхожу к столу учителя и отдаю свой пропуск с отмеченным опозданием.

Потом оглядываю комнату в поисках свободного места и иду между рядами парт. И тут вижу того самого парня в куртке с номером двенадцать. Он сидит на задней парте в компании парней в таких же спортивных куртках. Больше свободных мест нет. Я начинаю паниковать; на меня смотрит все больше глаз. Что, если они увидят под новой одеждой, прической, макияжем и фигурой, что я все-таки не совсем нормальная, что со мной не все в порядке? Перехожу в следующий ряд, и тут за спиной раздается голос:

– Вот свободное место.

Я оборачиваюсь. Это номер двенадцать. Он убирает стопку книг со стола, освобождая место рядом, и смотрит на меня. А я ненароком оглядываюсь, проверяя, действительно ли он обращается ко мне. Это тот самый парень, что в прошлом году бежал не разбирая дороги и врзался в меня. Мог бы нанести мне серьезные увечья, между прочим. А сейчас он показывает на меня и с лукавой усмешкой на губах шепчет: «да, ты».

Я медленно подхожу к нему, все еще подозревая, что это дурной розыгрыш с целью заманить меня на неизведанную территорию и унижить – например, закидать бумажными шариками. Я осторожно сажусь, стараясь не издавать ни звука; достаю блокнот, ручку и ежедневник. Открыв ежедневник на сегодняшнем числе, записываю: «Улыбайся».

– Кхм-кхм, – двенадцатый номер громко откашливается.

Я обвожу свое слово раз за разом, окружаю буквы узорами и завитушками, пока их становится почти не видно. Сначала думаю достать домашнюю работу по тригонометрии, но это лишь меня расстроит, а я в кои-то веки хорошо себя чувствую. Почти нормально.

– Кхм, – снова покашливает двенадцатый.

Я отворачиваюсь от него.

– Кхм, – не унимается он. – Кхм! – Тогда я смотрю на него – вдруг ему плохо, он подавился или еще что? Но парень смотрит на меня и улыбается.

– О. – Я больше не знаю, что сказать. – Что? – шепотом спрашиваю я. Может, он что-то сказал, а я не расслышала?

– Что? – повторяет он.

– Ммм... ты что-то сказал?

– Нет.

– А. Ну ладно. – Я возвращаюсь к своим рисункам.

– Я ничего не говорил, – шепчет он.

Я смотрю на него, а он наклоняется ко мне. Я тоже придвигаюсь ближе и стараюсь как можно внимательнее слушать. Тогда-то я и замечаю его глаза... такие карие и такие глубокие, что хочется просто в них утонуть.

– Что? – еще раз спрашиваю я.

Парень громко смеется. Его друзья поворачиваются и смотрят на меня, а потом возвращаются к своим делам.

– Я ничего не говорил. Но пытался привлечь твое внимание.

– О, – запинаясь я, – а зачем?

– Не знаю, – он пожимает плечами. – Просто поздороваться хотел.

– О. Ну привет? – Это звучит как вопрос, ведь я растеряна и не понимаю, что происходит.

– Привет, – снова смеется незнакомец.

Я смотрю на страницу своего ежедневника. Слово «улыбайся» подмигивает мне сквозь завитушки. Я поднимаю взгляд и одариваю двенадцатый номер улыбкой, которая до сих

пор меня еще не подводила. Он придвигается ко мне вместе с партой; та скрипит, снова привлекая внимание его друзей.

– Так ты новенькая? – шепотом спрашивает он.

– Новенькая? – повторяю я.

– Первый год у нас?

– Нет.

– Серьезно?

Я киваю.

– О. Хм, ясно. – Парень прищуривается и слегка склоняет голову набок, словно не верит мне.

Тогда-то я и понимаю, что он не имеет ни малейшего понятия о том, кто я такая. Парень не знает, что я и есть та самая девчонка, в которую он врезался в прошлом году. Не помнит, как схватил меня за руку и спросил, не ушиблась ли я. Он вообще не помнит обо мне прежней. И меня почему-то это радует. Я снова улыбаюсь.

Он тоже улыбается.

– А как тебя зовут?

– И... Иден. – Чуть не отвечаю «Иди», но вовремя спохватываюсь. – Иден, – повторяю я более отчетливо. С этим парнем я могу быть кем угодно. Это новая я, другой он не знает.

– Иден? – переспрашивает он, и мне вдруг кажется, что у меня лучшее в мире имя.

– Да, – с улыбкой отвечаю я и начинаю вспоминать, что мне о нем известно. Всякие мелочи, разрозненные факты. Например, я знаю, как его зовут и что он учится в выпускном классе. Он звезда баскетбольной команды и раньше встречался с несколькими чирлидершами. Он ученик-спортсмен – вот что сразу приходит на ум. Естественно, я знаю, кто он такой; его невозможно не знать. Я слышала его имя в утренних новостях по школьному радио: именно он привел команду баскетболистов к победе, набрал столько-то очков во вчерашнем четвертьфинальном матче против команды такой-то и так далее, и тому подобное. Когда я слышу его имя, в голове рождается определенный образ. Вот только сидеть с ним рядом – это совсем другое.

Парень смотрит мне в глаза. Кажется, я пялюсь на него. Отвожу взгляд и думаю о шоколаде. Вот на что похожи его глаза. Снова смотрю на него. В его глаза цвета темного шоколада. И понимаю, что разрозненные факты и мелкие детали ничего не значат, когда сидишь к нему так близко. Когда он *так* на тебя смотрит.

– Джош, – называет он свое имя, а потом делает что-то... что-то невероятное. Он тянется через разделяющий нас проход и протягивает мне руку. Это кажется немного глупым, но я тоже тянусь и пожимаю ему руку. Кожа у него теплая, как его голос, глаза и смех. Мы держимся за руки слишком долго, но парень улыбается, как будто в этом нет ничего странного.

И тут звенит звонок. Я роняю его руку и, вздрогнув, возвращаюсь в мир, где есть что-то еще, кроме его карих глаз. Я быстро собираю вещи, чтобы убраться оттуда поскорее. Ведь я совсем не понимаю, что только что произошло. Что вообще происходит. Мне страшно, я взволнована, я не знаю, бояться ли мне или радоваться. Не осмеливаясь обернуться и взглянуть на него, я спешу выйти из класса.

Весь следующий день я думаю только о самостоятельных занятиях, хотя это наименее важная часть дня. Нет бы переживать насчет контрольной по тригонометрии, которая будет через неделю, ведь я даже не научилась толком пользоваться калькулятором для решения задач. Нет, все мои мысли о том, что я скоро увижу Джоша: то ли потому, что меня страшит этот момент, то ли потому, что не могу дождаться. А может, и то и другое.

Когда я вхожу в класс, он уже сидит на своем месте с друзьями. Стою в дверях и не знаю, как поступить. Не могу же я просто подойти и сесть рядом? Но если я сяду на другое место, не возникнет ли впечатление, что я просто не хочу с ним сидеть? Он разговаривает с парнем, который сидит перед ним. Они смеются; его друг повернулся и бурно жестикулирует.

Звенит второй звонок. Ученики по-прежнему заходят в класс, а я загораживаю им дорогу. Им приходится проталкиваться мимо. Сердце стучит: я пытаюсь решить. Если бы он только взглянул в мою сторону, как-то дал понять, что хочет, чтобы я снова села с ним... Но Джош не обращает на меня внимания. Он меня не видит. А о вчерашнем, наверное, уже забыл.

– Так, все садимся! – кричит учитель. И я сажусь на ближайшую к двери парту. Упершись взглядом в затылок впереди сидящего, слушаю, как учитель ведет переключку. Я самая ужасная трусиха во вселенной.

– Иден Маккрори?

Я поднимаю руку, но учитель не смотрит в мою сторону.

– Иден Маккрори? – громче повторяет он.

– Здесь, – отвечаю я. И ничего не могу с собой поделать: оглядываюсь назад, где сидит он. Парень смотрит на меня. Я спешно отворачиваюсь. Переключка закончена, и я подхожу к учителю, чтобы тот выписал мне разрешение пойти в библиотеку. Но когда я направляюсь к выходу, Джош машет мне рукой, показывая на свободную парту рядом со своей. Я подхожу ближе; он жестом подзывает меня. Мне хочется сбежать, но я вспоминаю, как важно вести себя как обычно и улыбаться. И подхожу к нему. Все его друзья оборачиваются и смотрят на меня; кажется, они оценивают меня на предмет недостатков. А Джош тихо произносит:

– Иден, привет! Я занял тебе место.

– О. Спасибо. Но я иду в библиотеку.

Кажется, он разочарован.

– Тогда до завтра, – он пожимает плечами.

– Да.

А потом Джош смотрит на меня и улыбается, а шагая к выходу, я чувствую на себе его взгляд. Я почти забываю дышать. Сердце бьется легко и часто. Слишком часто.

Я вхожу в библиотеку и тихо шагаю к ее кабинету. Она сидит за столом и шелестит бумагами. Я тихонько стучусь.

– Иден, заходи! – дружелюбно произносит мисс Салливан и улыбается.

– Здравствуйте, мисс Салливан. – Я сажусь на стул.

– Чему обязана?

– Просто зашла поздороваться. – А на самом деле мне опять нужно место, чтобы спрятаться.

– Как мило. Спасибо, Иден. – Женщина замолкает, и молчание длится слишком долго. К счастью, она заговаривает первой. – Знаешь, а я как раз вспоминала прошлый год. Помнишь, ты хотела помогать в библиотеке?

– Эээ... да, конечно. – Я и забыла об этом.

– Так вот, у нас есть несколько свободных мест. Если тебе по-прежнему интересно, разумеется.

– Правда? Да... да, интересно. Конечно, да!

– Хорошо. Когда ты свободна? – Она открывает файл с расписанием на компьютере.

– Ммм... сейчас, например. У меня самостоятельные занятия, потом обед, так что я могла бы помогать и третью, и четвертую пару. Если нужно. Если вам нужна помощь в это время.

– Помощь нужна, и твоя особенно, – подчеркивает женщина, водя пальцем по расписанию. – Вот! Тебе повезло – как раз это время не занято!

– Отлично. И когда начинать?

– Да хоть сейчас, – отвечает она, распахнув руки, и этим приветственным жестом приглашает меня к работе. Мисс Салливан показывает, как оформлять книги, пользоваться базой данных и находить книги на полках. Под ее присмотром я выдаю книги своему первому посетителю.

– У тебя отлично получается! – хвалит меня она. Я улыбаюсь – не своей новой улыбкой, а настоящей. Я очень рада быть здесь, с ней рядом. В ее присутствии я начинаю верить в свою нормальность. В то, что все в итоге будет хорошо.

– Вчера случилась странная штука, – рассказываю я Маре по дороге домой.

– Да? Что? – Подруга вся обращается в слух.

– Знаешь Джоша Миллера? Того парня из баскетбольной команды? Он учится в выпускном классе.

– Конечно.

– Да. Конечно. Так вот, он со мной заговорил. В смысле *заговорил*, по-настоящему. Мне даже в какой-то момент показалось, что... короче, не знаю. Забудь. Глупости это все. – Я смеюсь.

– Нет уж, договори! Я же теперь не успокоюсь!

– Ладно. Но только знай: я сама понимаю, как глупо все это выглядит, – предупреждаю я.

– О. Боже. Мой. Выкладывай уже! – требует Мара, смеясь.

– Короче, помнишь же, что я бросила оркестр? Вместо этого я записалась на самостоятельные занятия. И он тоже туда ходит... Джош, я имею в виду. Он освободил для меня место рядом с собой, а потом пытался заговорить, как будто... как будто я ему понравилась, представь? – Я жду, что она начнет смеяться, но она смотрит на меня как ни в чем ни бывало. – Понравилась в смысле *понравилась*, – уточняю я.

– Так. Во-первых, с чего ты решила, что я посчитаю, будто это глупость? И, во-вторых. УРА!!! – кричит Мара и подпрыгивает посреди улицы. – ДААААААА!

– Господи, да уймись ты! С ума сошла! – кричу я. Но мы обе сгибаемся от смеха.

– И что было дальше? – успокоившись и отдышавшись, спрашивает она.

– В смысле? Ничего. А что, должно было быть продолжение?

– Но как вы расстались? Что он тебе сказал?

– Что завтра займет для меня место.

– Идеально! Значит, завтра вы...

– Погоди, – прерываю ее я. – Вообще-то, завтра меня там не будет.

– Это почему?

– Я вызвалась помогать в библиотеке как раз в это время, – признаюсь я.

Она, не моргая, смотрит мне в глаза, и улыбка ее быстро меркнет.

– Прости, ты что, головой ударилась?

– То есть, по-твоему, мне нужно и дальше ходить на самостоятельные занятия?

– Ох! – восклицает она. – Иди, а как же иначе? Ты что, этим летом ничему не научилась?

Я думаю об этом, пока мы идем. Мара то и дело раздраженно фыркает, косится на меня, качает головой и произносит: «Ах, Иди, Иди».

– Ты права, – говорю я, когда мы доходим до угла, где обычно расстаемся. – Права на все сто. Не знаю, зачем я это сделала. Испугалась, наверное.

– Испугалась чего? Это же Джошуа Миллер, Иди. Тебе жутко повезло!

Я пожимаю плечами. Все равно не смогу объяснить, что у меня на душе. И даже если бы смогла, знаю, что она меня не поймет.

Всю неделю я работала в библиотеке. Мне нравится общаться с мисс Салливан, и я почти забыла о Джоше Миллере и о том, что он держит для меня место... Забыла обо всем, кроме его глаз.

В этом маленьком уголке, укрытом от мира, уютно и безопасно. Здесь можно передохнуть от жизни. Я понимаю, что мне нравится расставлять книги по полкам, следить за порядком. Здесь у всего есть место и все регулируется правилами. Здесь мне не нужно думать о том, кто я и правильно ли себя веду. Меня никто не беспокоит, даже я сама.

– А знаешь, тебя непросто было найти, – вдруг произносит кто-то совсем рядом.

Я оборачиваюсь и не могу поверить своим глазам. Это он. Джош. Его глаза смотрят на меня. Он стоит, облокотившись о стеллаж с книгами, и улыбается. Когда мы сидели рядом, у меня не было возможности увидеть, какой он высокий, а в тот день в коридоре, когда он сбил меня с ног, я была слишком расстроена и вообще ничего не соображала. Но теперь, когда парень стоит совсем близко, я вижу, что он совершенно неотразим. Мы в шаге друг от друга в укромном уголке между книжными полками, и кажется, что во всем мире больше никого и нет. Я делаю шаг ему навстречу – он притягивает меня, как магнитом, и я просто не могу стоять на месте.

– Ты меня искал? – спрашиваю я.

– Ну, я каждый день занимаю тебе место, и на меня уже странно смотрят. – Джош улыбается – снова эта лукавая полуулыбка. – Я решил, ты уже не вернешься. – Он оглядывается, смотрит на стопку книг в моих руках. – И, видимо, угадал?

– Я думала, ты пошутил. – Я крепче вцепляюсь в свою ношу, а сердце ускоряется.

– Почему все вечно думают, что у меня одни шутки на уме? – спрашивает парень, смеясь.

Может, потому что ты выглядишь несерьезно, хочется ответить мне. Потому что на твоём лице всегда обаятельная улыбка? Может, люди не решаются принимать тебя всерьез, потому что боятся, что тогда ты станешь реальным? Перестанешь быть лишь игроком под номером двенадцать и станешь обычным человеком? А может, это только мне так кажется?

– Не знаю, – просто отвечаю я.

– Но я не шутил.

И вот мы стоим и смотрим друг на друга.

Наконец он подозрительно склоняет голову.

– Я что, тебе не нравлюсь?

– Нет, – быстро отвечаю я, – точнее, да, нравишься. То есть не не нравишься.

– Слава богу, – смеется он. – Ну вот, в конце концов, мы все выяснили. Тогда, может быть, что-нибудь предпримем?

– Что? – спрашиваю я.

– Что? – повторяет Джош, и снова на его губах играет лукавая усмешка. – Даже не знаю. Может, ограбим пару банкоматов, разрисуем их, украдем паспорта и отправимся к границе? С грузом наркотиков, разумеется. – Парень смеется над своей же шуткой. – Или учудим что-нибудь совсем безумное и сходим в кино. Или в кафе.

Я не могу сдержать улыбку.

– Это значит «да»? – спрашивает он.

– Не знаю, – отвечаю я. – Возможно.

Он смотрит на меня серьезным взглядом.

– А в чем дело? У тебя есть парень?

– Нет.

Мы продолжаем молча стоять.

– Ладно, – произносит он. – Тогда дай знать, когда решишь.

Я смотрю, как он уходит, и кусаю себе локти, что не сказала «да». Выхожу из-за стеллажей, чтобы догнать его, но в тот самый момент вижу Аманду. Она стоит у книжной полки, рассеянно трогая корешки, и не отводит взгляда от нас с Джошем. Я недовольно смотрю на нее, а она притворяется, что не замечает меня, берет книгу с полки и начинает ее беспорядочно листать.

Сидя в траве у теннисных кортов, я срываю пушистый белый одуванчик и задумчиво дую на него. Крошечные семена разлетаются по ветру. Уже почти октябрь, и сегодня, наверное, один из последних погожих дней. Холодно, но солнце греет кожу и от этого совсем не мерзнешь. Мне хочется вдохнуть холодный воздух и надолго задержать дыхание.

Мара осталась после уроков: они с Камероном работают над проектом по рисованию. А я могла бы пойти домой, но не тянет. Вот я и жду ее здесь, хочет она этого или нет.

– Ты загадываешь желание, когда дуешь? Или просто распространяешь сорные растения? – слышу я чей-то голос и оборачиваюсь, закрыв рукой глаза от солнца.

За мной стоит парень, но я вижу лишь его силуэт на фоне пылающего розово-оранжевого неба. Высокий, в футболке, тренировочных шортах и одном наколеннике, со спортивной сумкой в одной руке и бутылкой воды – в другой. На нем старая потрепанная бейсболка, из-за козырька трудно разглядеть черты его лица, но когда он подходит ближе, я понимаю, кто это.

Я откашливаюсь и стараюсь говорить обычным голосом.

– Вечно ты подкрадываешься.

– Не вечно, а всего второй раз. – Парень улыбается.

С нашей встречи в библиотеке прошло почти две недели. Я в шоке, что он вообще заговорил со мной. Мне казалось, я давно все испортила.

– Так что ты загадала? – спрашивает он, снимает бейсболку и без приглашения садится рядом на траву. Лицо у него покраснелось, волосы мокрые. И взгляд рассеянный, как будто он сильно устал. Мой брат тоже всегда так выглядел, возвращаясь домой с тренировки.

Глядя, как Джош располагается рядом, задумываюсь над ответом.

– Я не загадываю желания, – говорю я.

Мои желания не смогут выполнить тонкие былинки, беспечно улетающие со случайным ветром. Кажется, он разочарован – я не стала ему подыгрывать. Он-то, наверное, думал, что я сейчас пожелаю какую-нибудь миленькую вещь, которую мне хочется иметь больше всего на свете, а он расскажет, как поможет мне осуществить мою мечту. Но в том-то и дело, что ему это не по силам. И ничего я не загадывала. Так что разговор заходит в тупик.

– Все загадывают, – возражает он.

– Но только не я. – Ах, если бы сейчас у меня во рту была сигарета, я выглядела бы намного круче! Со мной нельзя шутить – вот какое впечатление я хочу произвести. Я не наивная дурочка. Я даже не миленькая.

Теперь парень не просто разочарован. Теперь он кажется, жалеет, что вообще уселся со мною рядом, и готов загадать желание на одуванчике, чтобы этого не случилось. Он молчит и смотрит в никуда, на всех тех людей, кого здесь нет и кто не придет ему на помощь.

– Ну ладно... – я решаю сжалиться над ним. Краем глаза замечаю, что он перестал в отчаянии смотреть в пустоту и повернулся ко мне. – Даже если бы я и загадала желание – а я этого не делала – почему ты решил, что я скажу тебе об этом?

Украдкой смотрю на него. Джош улыбается. Он симпатичный и знает об этом. Солнечные лучи падают ему в лицо, и глаза шоколадного цвета начинают переливаться всеми

оттенками карамели и красного дерева. Мне приходится силой заставить себя не пялиться. Он придвигается ближе. Мое сердце стучит быстрее.

– Ведь тогда желание не сбудется, да? – спрашивает он.

– Вот именно, – киваю я.

– Но они все равно редко сбываются. Даже если никому ничего не рассказывать. – Интересная тактика: подыграть моему цинизму. Да он неглуп.

– Наверное, ты прав, – соглашаюсь я. Он смотрит на меня и, видимо, решает, какой следующий шаг сделать, чтобы завоевать меня, победить меня.

– Я делал доклад по жизненному циклу одуванчиков. – Парень кивает на голый стебелек в моей руке. Кажется, во втором классе.

Такой реплики я не ожидала. Перебираю возможные ответы: нет, мне нечего сказать. Он тянется назад и срывает цветок; я слышу, как обламывается хрупкий стебель. Я молчу, задевая желтый сорняк мыском ботинка.

– Сначала они желтые. Потом лепестки опадают, и открывается белая пушистая сердцевина – семена, которым предстоит разлететься по ветру. – Джош рассматривает сорванный одуванчик.

Я киваю.

– Видишь, этот... где-то посередине. – Он подносит одуванчик ближе к моему лицу, чтобы я лучше его разглядела. – Желтые лепестки облетели, белое уже виднеется, но семена еще слишком тяжелые и не разлетаются. – Парень дует на одуванчик, но ничего не происходит.

Мы сидим так близко. Я чувствую на коже его дыхание, ощущаю тепло его тела. Глядя мне прямо в глаза, он ждет реакции. Но его дыхание, тепло, глаза лишают меня способности нормально соображать, говорить или думать о чем-либо, кроме его дыхания, тепла и глаз. Наконец я приказываю себе отвернуться.

– Так вот, – продолжает он, не дождавшись от меня ответа, – эти промежуточные одуванчики найти непросто – мне же пришлось искать цветок на каждой стадии роста для доклада. А такие встречаются очень редко.

Я осмеливаюсь снова посмотреть ему в глаза, но долго не выдерживаю и перевожу взгляд на одуванчик.

– Наверное, это не очень интересно? – Джош опускает локти на колени и вертит одуванчик между пальцев.

Я улыбаюсь. На самом деле мне интересно, но я не собираюсь в этом признаваться.

– Хорошо сегодня на улице. – Он смотрит в небо.

– Да, – отвечаю я.

– Да. – Он вздыхает.

Мне его жаль: парень, наверное, думал, что у него хорошо получается разговаривать с девочками ни о чем. А тут я. Но он не виноват.

– А ты почему еще не ушла? – спрашивает Джош, когда молчание становится невыносимым.

– Жду подругу. А ты?

– За мной должны заехать. Я только что с тренировки.

– Ты повредил колено? – спрашиваю я, глядя на его наколенник.

– Нет, оно просто иногда побаливает. Ничего страшного. – Он смотрит на меня, и его губы медленно растягиваются в улыбке.

– Ясно. – Я отворачиваюсь, чтобы парень не подумал, будто меня слишком заботит его здоровье. Или что-то еще.

– Ну так что? – Джош нервно тербит пальцами одуванчик. – Ты так мне ничего определенного и не ответила, знаешь?

– Да, – отвечаю я. – Прости.

– Это значит «нет»? – Он по-прежнему улыбается. – Я не обижусь. Просто я не привык чувствовать себя так по-дурацки, – смеется он.

Мне тоже смешно, что он, а не я, чувствует себя по-дурацки. Как бы дать ему понять, что мне хочется сказать и «да», и «нет»?

– Нет, дело не в этом. Я просто... – Но я не могу договорить, так как сама не знаю, в чем причина.

– Так в чем же дело?

– Не знаю, – бормочу я.

Парень, кажется, растерян и не понимает, улыбаться ему или хмуриться.

– Ты это делаешь нарочно? Я не догоняю.

– Что нарочно?

– Водишь меня за нос. Не отвечаешь прямо.

– Да нет же, нет. Честно.

Джош все же хмурится, и лоб прорезает вертикальная морщинка. Он оценивающе смотрит на меня.

– Забудь, – выдавливает он. – Видимо, я просто тебя не понимаю. – Он отмахивается с грустной смущенной улыбкой. – Забудь, правда.

– Да! – вдруг слышу я свой голос. Что, если это мой шанс – уже второй шанс – начать общаться с парнем, как все нормальные девчонки?

– Да? – Его глаза загораются, и парень вглядывается в меня. – Значит, ты согласна?

Я делаю глубокий вдох и повторяю:

– Да.

– Ну наконец-то! – Он торжествующе протягивает руки к небу и смеется. – Что делаешь завтра вечером?

– Кажется, ничего.

Джош собирается еще что-то сказать, но в этот момент на стоянку въезжает автомобиль – темно-синий универсал, родительская машина.

– Черт, за мной приехали. Вот. – Он берет меня за руку.

– погоди, – отдергиваю я руку, – что ты делаешь?

– Да не бойся ты, – хохочет парень. – Не волнуйся, ничего плохого я тебе не сделаю.

Просто расслабься, – просит он убаюкивающим бархатным тоном, от которого, наверное, все девчонки тают. И, расцепив мои сжатые пальцы, кладет что-то мне на ладонь.

Я смотрю вниз. Это тот самый одуванчик – уже не желтый, но еще не облетевший.

Джош встает и надевает сумку на плечо.

– Тогда завтра после школы?

Я киваю.

– Отлично, – отвечает он. – Супер.

Парень садится в универсал. На водительском сиденье женщина – должно быть, его мать. Она машет рукой. Я поворачиваюсь посмотреть, кому она машет, но тут понимаю, что мне. Джош сидит рядом и выглядит смущенным. Тогда я поднимаю руку и машу в ответ.

– Может, твою подругу нужно подвезти? – спрашивает она у Джоша; я хорошо слышу ее слова, ведь стекло опущено.

– Нет, поехали, – отвечает он.

Машина трогается с места, а я открываю ежедневник на развороте этой недели и аккуратно вкладываю белый одуванчик поближе к переплету. Потом закрываю блокнот.

Вдруг я слышу шаги – поскрипывает покрытие теннисного корта. Оглядываюсь, присматриваюсь внимательнее и вижу Аманду. Она стоит, вцепившись в проволочное ограждение, и смотрит на меня.

– Эй! – окликаю я ее. Но она отворачивается и уходит. – Эй! – Я встаю и бегу к ведущей на корт калитке. – Зачем ты там стояла? Шпионила за мной?! – кричу я, быстро догнав ее.

– Нет. И я могу стоять, где хочу. – Она складывает руки на груди и окидывает меня возмущенным взглядом, затем ее лицо медленно меняется на глазах, верхняя губа брезгливо кривится.

– Не лезь не в свое дело, Мэнди. – Я уже хочу уйти, но потом снова поворачиваюсь, ярость придает мне сил. – Что ты ко мне привязалась?

– Ни к кому я не привязывалась, – отвечает сестра Кевина.

– А мне так не кажется. – Я тоже скрещиваю руки на груди, пытаюсь успокоиться и выглядеть невозмутимой, как она. Как ей это удастся? Она подходит близко, как в тот день на ступенях перед школой. Если бы мы не были так хорошо знакомы, я бы решила, что она хочет меня ударить.

– Меня зовут не Мэнди, – цедит она сквозь зубы и уходит с корта, не говоря больше ни слова.

В ту ночь я почти не могу спать. Просыпаюсь рано и начинаю готовиться. Даже мама с папой еще не проснулись. Когда я прихожу в школу, там еще никого нет. Из учительской доносится запах горелого дешевого кофе, но коридоры пусты. Я иду в женский туалет на первом этаже и открываю окно, чтобы тайком выкурить сигарету, пока никто не видит.

Здесь я пытаюсь собраться с мыслями. Я так боюсь предстоящей встречи с ним, что ничего не соображаю. Может, притвориться больной и уйти домой? Причина уважительная. Вот только проблема в том, что я *хочу* его видеть.

Слышу чьи-то шаги. Выбрасываю сигарету и закрываю окно. В такое время это может быть только учитель. Я мигом ныряю в кабинку и закрываю дверь. Встав на сиденье унитаза, задерживаю дыхание и жду.

Дверь со скрипом открывается, и я слышу взволнованный шепот.

– Давай же, скорее! Закрывай, закрывай.

– Все, закрыла. Сюда.

– Быстрее! – запыхавшись, шепчут они.

Они так взволнованы, что мне становится любопытно. Стараясь двигаться бесшумно, я осторожно располагаюсь так, чтобы можно было подсматривать в щель между дверью и стеной кабинки. Тогда-то я и вижу ее, Аманду. И понимаю, что в последнее время мы стали слишком часто случайно наткнуться друг на друга.

– Вот, держи, – говорит Аманда другой девчонке, своей однокласснице – я видела ее в коридорах, у нее лицо немного похоже на крысиную мордочку. Аманда протягивает ей маркер.

– Так, что пишем? – спрашивает Крысиная Мордочка, глядя на стену.

– Сама, что ли, не знаешь – шлюха, подстилка, гнида, сука и тому подобное. Это все правда, так что выбирай на вкус, – фыркает Аманда.

Вооружившись двумя маркерами с толстыми наконечниками, они подходят к стене. Аманда пишет первой. Мягкий наконечник поскрипывает, касаясь грязной бледно-розовой плитки. Она аккуратно выводит слова:

ИДЕН МАККРОРИ – ШЛЮХА

Я не верю своим глазам. Я не могу дышать.

Крыска подходит, ставит маленькую галочку между «Маккрори» и «шлюха» и тошнотворно уверенным почерком приписывает:

МЕРЗКАЯ ГРЯЗНАЯ

– Ну как? – с улыбкой спрашивает она Аманду.

– То что надо!

– Напомни еще раз, почему она мерзкая грязная шлюха? – смеется Крыска.

– Просто поверь мне, так и есть, – они отходят от стены и любуются своим художеством. – Вчера около теннисного корта она с одним парнем чуть на моих глазах не трахнулась, – врет она.

Я закрываю рот рукой. Я готова ее убить, вытолкнуть из окна. Готова орать на нее во всю глотку. Но меня словно парализовало.

– Фу! – завопила Крыска.

– Ага, – кивает Аманда. – Ладно, пошли, у нас мало времени.

И они уходят. Я их не останавливаю. Я просто не могу пошевелиться. Сидя на корточках на сиденье унитаза, я застыла в одной позе, зажав ладонью широко открытый рот.

Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем я выхожу из шокового состояния. Толкнув дверь кабинки, я подхожу к стене и смотрю на нее, не веря своим глазам. Провожу пальцами по чернильно-черным буквам – буквам, полным ненависти. В коридоре раздается голос. Хлопает шкафчик. Люди собираются. Я быстро отматываю целую кучу бумажных полотенец, мочу их водой и поливаю мылом. Потом иду к стене и тру, тру, тру слова, нажимая изо всех сил, пока не начинаю задыхаться, пока не начинаю плакать. Смотрю на стену. А надпись смотрит на меня. Ничего не изменилось. Уронив промокший комок полотенца, сжимаю кулаки и впиваюсь ногтями в ладони. Мне хочется разбить эту стену или что-нибудь еще.

И в этот момент в туалет заходят три старшеклассницы – три симпатичные, популярные в школе девчонки. Не прекращая болтать, они выстраиваются перед зеркалом; я поворачиваюсь к ним спиной и вытираю слезы. А потом подхожу к раковине смыть с рук бумажные крошки.

– Ого! – кричит одна из них. Я поворачиваюсь к ней. Она показывает на стену щеточкой от туши и говорит: – Кто-то плохо себя вел.

Они смеются. А мое сердце трепыхается, как птица в клетке. Его крылья отчаянно бьются о прутья. Мне хочется разбить смазливую мордашку этой девчонки о зеркало. Но тут вторая произносит:

– А кто такая Иден Маккрори?

– Ты что, не видишь – шлюха, – хохочет третья.

– Нет, – поправляет ее первая, – мерзкая и грязная шлюха.

Они заливаются злобным хохотом, как маленькие ведьмы, и выходят в коридор. А я стою, не шевелясь, я разрешаю им уйти после того, как они говорили обо мне гадости.

Я бросаюсь в коридор, я хочу найти этих девочек и сказать им, что они не могут так говорить обо мне, что все это ложь. Найти Аманду и выбить из нее всю дурь. Но пройдя лишь пару шагов, я останавливаюсь. Коридоры заполняются людьми и шумом; девчонки-старшеклассницы уже растворились в толпе.

Тогда я иду к своему шкафчику, пытаюсь вести себя так, будто ничего не произошло. Заниматься обычными делами, притворившись, что ничего не знаю, что ничего этого нет. Весь день я старательно обхожу знакомых. Но в обед Мара подкарауливает меня в библиотеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.